Симони
Книжная торговля

Z368
.S45

Knizhnaîa torgovlia v Moskve
XVIII-XIX stoletiĭ.

P. K. Simoni

Z6
См-539

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Z368
.S45

BARCODE ON BACK COVER

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 21 1989	[illegible]		
	[illegible] '89		
	JUL 20 '89		

Form No. 513
Rev. 1/84

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КНИГИ, КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

С375
К-539
С375

Собранные и приготовленные к печати
под редакцией
Павла Симони

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В МОСКВЕ XVIII—XIX СТОЛЕТИЙ

МОСКОВСКИЕ КНИГОПРОДАВЦЫ КОЛЬЧУГИНЫ В ИХ КНИГОТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В БЫТОВОЙ ОБСТАНОВКЕ.

ОПБ
Z6
СИ-539

ЛЕНИНГРАД
Издание Ленинградского Общества Библиофилов
1927

6 [illegible]
стр 29, 24, 28,
40, 42, 68,
9 [illegible]
К3843

Книга имеет: ОПБ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. NN вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. NN	NN списка поправок	
5	—	1	—	—	—	14	II / 270	

'-ка им. Ленина зак. 139 тир 2000

ОПБ
Zб
Си-539

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КНИГИ, КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

Собранные и приготовленные к печати
под редакцией
Павла Симони

Z368
mc .S45

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В МОСКВЕ XVIII—XIX СТОЛЕТИЙ

МОСКОВСКИЕ КНИГОПРОДАВЦЫ КОЛЬЧУГИНЫ В ИХ КНИГОТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В БЫТОВОЙ ОБСТАНОВКЕ.

Г43/1
Д6

ЛЕНИНГРАД
Издание Ленинградского Общества Библиофилов.
1927

Печатается по определению Совета Ленинградского Общества Библиофилов от 3 сентября 1926 г.

Секретарь *Михаил Ария.*

Ленинградский Гублит № 25002. — 6 печ. л. — Тираж 1500.
Государственная Академическая Типография. 9 линия, 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От Издательства 7

Предисловие редактора 9

Московские книгопродавцы Кольчугины XVIII—XIX стол. в их книготорговой деятельности и в бытовой обстановке . . . . . 21—32

I. Московский книгопродавец, бывший приказчиком Н. И. Новикова, — Никита Никифорович Кольчугин (1753—1827) 23

II. Григорий Никитич Кольчугин (1779—1835) 28

III. Иван Григорьевич Кольчугин (1801—1862) 29

IV. Иван Иванович Кольчугин (сконч. 1895) 30

Приложения. . . . . . 33—90

1. О роде и родословии Кольчугиных (Сообщено В. Г. Ёлчиной, урожд. Кольчугиной) 33
— Дополнительная заметка Н. В. Турова 38

2. Иван Григорьевич Кольчугин (1801—1862) по воспоминаниям А. А. Астапова, А. Д. Ступина и друг. . . 40

3. Мои воспоминания об Ив. Ив. Кольчугине (сконч. 1895). Сообщение московск. книжника Ив. Козм. Шамова (сконч. 1912) 68
— Дополнения Я. И. Киселева (сконч. 1925) . . . 82

4. Московские книгопродавцы Шамовы (Ив. Максимович, Козьма Иванович и Иван Козьмич, автор „Воспоминаний об Ив. Ив. Кольчугине“). 86

5. Некролог московского книжника-народника В. В. Логинова (сконч. 1847). 88

Перечень иллюстраций.

1. Вид местности у Спасских ворот (с акварели художн. А. А. Алексеева. Эрмитаж), к стран. 23.
2. Факсимиле почерка Никиты Никиф. Кольчугина (1802 г.), к стран. 24.
3. Снимок с загл. листа „Росписи“ кн. магаз. Никиты Никиф. Кольчугина 1789 г. (по экз. собр. Д. В. Ульянинского), к стран. 27.
4. Портрет Григ. Никит. Кольчугина (1779—1835), к стран. 28.
5. И. Гр. Кольчугин (ум. 1862 г.), (по фотогр. в натур. велич.), к стран. 40.
6. Вид „палаток“ во 2-м ярусе в Ножовой Линии в старых Торговых Рядах в Москве, к стран. 41.
7. И. И. Кольчугин (ум. 1895 г.), (по фотографии в натур. велич.), к стран. 68.

Программа всего издания помещена в конце книги на стран. 91—94.

От Издательства.

Настоящее книги неразрывно связано с *прошлым*, и вся книга, в целом и в деталях, полна глубокой привлекательности и возбуждает творческую пытливость книголюба. Книги и люди живут вместе и книги неотделимы от людей, творивших, читавших, распространявших, сохранявших и любивших книгу. И если часто привлекают к себе сердца и взоры людей *книги* старые, давно вышедшие из обихода читателя наших дней, то также порою любо знать и про *людей*, ушедших, но связавших свое имя с книгой. Когда же об этих людях сохранилось так мало знаний, что каждый вновь открываемый след дает новые штрихи для истории их быта и их дела, интерес к ним и к этим следам возрастает и связывается с интересом к общей истории книги.

Поэтому Ленинградское Общество Библиофилов, выпуская в свет любезно предоставленные ему материалы П. К. Симони о московских книгопродавцах Кольчугинах, более сотни лет стоявших на посту книги у книжных полок, полагает, что это издание приобретет ценность и для истории книжной торговли и истории книги вообще. И многие друзья книги и историки книжного дела не располагают, к сожалению, настолько богатыми материалами, чтобы пренебрегать

теми, которые, не будучи своевременно опубликованы, также будут потеряны для взора историка и любителя книги, как потеряны уже многие ценнейшие материалы для истории нашей книжности. И если о старинных книготорговцах-культуртрегерах могут еще и далее находиться новые материалы, в связи с разработкой общей истории книжной культуры, то о старинных книгопродавцах-профессионалах, к которым следует причислять и Кольчугиных, едва ли много нового может быть открыто. Они не стояли в центре тогдашней книжности, они жили и трудились на периферии культуры книги, где обывательские будни стушевывают индивидуальные исторические черты и одного из них скоро делают похожим на другого. Публикуемые материалы и восстанавливают их лица, освежая и реальную почву среды, где довелось этим книжникам творить дело книги.

Наши старые повествователи, когда передавали свои сказы или повести, то любили украшать их идущими к делу изречениями, так поступлю и я: приведу два старинных красных словечка:

„Давид, седящий, накладав очитые персты на живые струны: мы же, приемля трость скорописную с чернилом и бумагу, накладываем письмена!..“ (Зерцало богословия Кирилла Транквиллиона).

И другое постарее:

„А что ся в кое время начнете деяти, то утверждайте грамотою, да быша ся не забывали, познаите и память держите, нынешные, и по сем времени будущии“ (Смоленская грамота 1229 г.).

В настоящем сказе или точнее и попросту сказать статье — мне хочется привести несколько еще неизвестных совсем сведений о старинных московских книгопродавцах Кольчугиных, истых москвичах, хотя и не из коренного московского рода. Разные представители этого рода, в течение почти полу-

тораста лет подвизались на книжническом поприще и стяжали себе громкую славу. Особенно, конечно, памятен москвичам разных поколений Иван Григорьевич Кольчугин (1801—1862), человек во многих отношениях замечательный, но вместе с тем и загадочный. Об нем, благодаря моим дорогим и добрым книжным друзьям (увы, ныне уже покойным) А. А. Астапову и Я. И. Киселеву, мне удалось в 1906 г. выпустить книжечку: „Материалы к истории русской книжной торговли". Вып. I. „Н. И. Новиков и книгопродавцы Кольчугины XVIII—XIX стол." (СПб. 1906). Тогда же судьба представителей Кольчугинского рода сильно заняла меня и так, что я и после отпечатания книжки продолжал розыски необходимых материалов, т. е. как я часто говорю в шутку: стал „производить раскопки", ища исторических драгоценностей и редкостей. Вообще судьбы нашей книжной торговли и книгопроизводительности занимали меня почти со школьной скамьи, но в печати приходилось находить не часто, и то почти одни только скудные сведения об отдельных книжных деятелях. Поэтому понятно, с какою жадностью я выслушивал разные показания, воспоминания и рассказы знакомых книжников, хотя и чувствовал, что тут же я могу встретиться и с разного рода невольными преувеличениями в ту или другую сторону, а иногда и прямо приходилось встречаться с анекдотами. Но ведь преувеличения можно проверить, а анекдоты также имеют в истории свое подобающее им место и оценку, и нередко хороший анекдот может стоить не меньше, чем иная

статья. Мы теперь почти что отвыкли от интереса к анекдотам, а ведь было время и я еще помню из детства и юности своей, когда в разных кружках коротали время воспоминаниями о героических личностях, а затем и вообще об исторических людях разного пошиба. Русская история новейшего времени у нас еще, собственно говоря, не написана, так что же в таком случае оставалось делать обществу и грамотникам, как не запоминать и собирать анекдоты былой старины; ведь в анекдотах всегда так ярко и выпукло, хотя и грубовато подчас, обрисовывается самая личность со всеми ее достоинствами и недостатками, и анекдоты отчасти, по моему мнению, заменили старые былины и исторические песни. П. И. Бартенев и М. И. Семевский со второй половины XIX века в своих исторических сборниках сберегли нам и много исторического материала, хотя часто отрывочного, и анекдотического или испорченного цензурою того времени.

О важности иметь сколько-нибудь порядочную *историю русской книжной торговли* — изъявлялось желание много раз и нашими литераторами, и учеными. И сколько уже было разного рода деятелей, которые начинали собирать памятники былой истории книжной торговли и материалы для биографий ее деятелей, но после их кончины собранное погибало и не дошло до нас. Этого мало: ни об одном видном старом книжном деятеле, начиная с нашего первопечатника Ив. Федорова, далее даже о Н. И. Новикове, В. А. Плавильщикове, А. Ф. Смирдине и так далее почти

вплоть до наших дней — мы не имеем ни одного хорошего полного и содержательного очерка — биографии упомянутых деятелей с перечнем их изданий. Обычно пишутся „по поводу“ какой-либо знаменательной годовщины легонькие статейки „на случай“ и по первым встретившимся на пути материалам, а тем более нет правдивой оценки перед русским народом деятельности и трудов насадителей нашего просвещения, которые, как и Ив. Федоров и далее, иные из них несмотря на все лишения и непосильную борьбу со стихийными обстоятельствами, выходили на наши необозримые поля и рассевали добрые семена на народные нивы. Вспомню здесь, что еще в 40-х годах XIX стол. один из представителей книжнической семьи Свешниковых успел собрать довольно много разного рода памятников и материалов для истории книжной торговли. В. Межевич в некрологе книгопродавца Александра Леонтьевича Свешникова (ум. 27 июля 1844 г.) между прочим писал:

„Не можем, с своей стороны не пожалеть, что любопытный труд об Истории Русской Книжной Торговли, который замышлял пок. А. Л. Свешников, остался неисполненным: подобного рода сочинение могло бы представить много важного, занимательного для *самой* Истории Русской Литературы. Образованные книгопродавцы такая редкость, что их надобно искать с фонарем Диогеновым, тем более уважения заслуживает всякий порыв, всякое стремление в книгопродавце к образованию. Таков уже исстари, кажется, у нас обычай: сапожник вечно ходит в худых

сапогах, у стекольщика в доме перебиты стекла; портной носит платье с изорванными локтями, а книгопродавец, проводник образования, менее всего о нем заботится. Имена Новикова, Плавильщикова, Слёнина, Ширяева навсегда останутся памятными и уважаемыми, потому что эти люди действовали с знанием дела, издавали книги сообразно с потребностями времени не на авось, не на удачу, печатая что им попалось под руку, лишь бы подешевле заплатить за рукопись“ ... Далее собирал и П. А. Ефремов; у А. А. Астапова в Москве было много материалов по этой части, занесено и в его объемистые дневники и записки, позднее собирали А. П. и А. А. Бахрушины, Д. В. Ульянинский, А. М. Старицын, А. И. Куренков, Н. Г. Мартынов, А. И. Аникиев, М. Я. Ария и др.

Вспомним, что в старое время и вплоть до 70-х гг., приблизительно, XIX стол. каждая типография и каждая книгопродавческая фирма и издательство накапливали большие материалы, прямо подчас драгоценных сведений, для истории книжного дела. Со времени указа о вольных типографиях в Екатерининское время (1783), в типографиях и книгоиздательских фирмах собирались бесчисленные вороха рукописных оригиналов, с которых печатались издания. Очень много тут попадалось автографов целых произведений писателей и литературных деятелей. По установившимся в старое время правилам типографии должны были зорко беречь все оригинальные манускрипты, с которых производился набор книги. А сейчас очень редко приходится встречаться даже с цензурован-

ными экземплярами произведений, т. е. в рукописях сдаваемых в цензуру. Не сберeглись ни у авторов, ни в типографиях и корректурные гранки, правленные рукою автора; не приходится, конечно, говорить, какое важное значение при изучении истории и теории творчества имеют эти типографские оригиналы, раскрывающие весь ход течения мысли и исправления оригинального текста в дальнейших корректурах. Но куда девались все эти типографские и издательские архивы с течением времени? Я очень давно как то слышал от покойного академика А. А. Куника, что даже и в типографии Академии Наук в данное время долго сберегался подобный архив, и действительно из Типографского архива некоторые произведения Ломоносова, Сумарокова и др. попадали на хранение в библиотеку; но это лишь единицы, а куда делось тогда все содержимое бездонных академических сараев, куда по миновании надобности складывали все лишнее? Можно лишь догадываться, что все пошло на бумажные мельницы или к тряпичникам, а добытые таким образом гроши были точно записаны и через ряд инстанций пошли в доход казны. Особенно жалко, что погибли не будучи в свое время разработанными, такие типографические, и издательские и книготорговые материалы, как Н. И. Новикова, двух поколений Селивановских, Плат. Бекетова, Плавильщикова, Глазуновых, Смирдина, Вольфа и многих друг.

В моих руках была опись издательского архива А. Ф. Смирдина, такой же архив был у известного

историка М. П. Погодина, издателя „Москвитянина“.

Известно, что Погодин открыл при редакции „Москвитянина“ и свою книжную лавку, где и старался сосредоточить лучшие русские книги по части истории и беллетристики. А что сталось с архивами журналов, как „Современник“, „Отечественные Записки“ той и другой редакции и проч.? Так обстояло дело в 70-х, 80-х гг., когда в архиве типографии можно было находить даже и те важные для историка книжной торговли статистические данные, не редко имеющие характер коммерческой и профессиональной тайны. Дело в том, что издатели и типографщики печатали и производили книгу и издание нередко не в том числе экземпляров (завода), как значилось в условии с автором или издателем, а гораздо большем; и весь этот излишек противно условленного давал, конечно, не малый барыш и оставался в кармане типографщика или издателя. Далее, конечно, каждое подобное заведение, особенно с известной поры, обязано было иметь свои торговые книги. Но все подобные материалы, столь важные для книгопечатного, издательского и вообще промышленно-торгового оборота дела и прежде и потом не попадали в руки историков и не были изучаемы, а затем все оказались уничтоженными. Таким образом историку книгоиздательского и книгопродавческого дела остается при изображении исторической последовательности фактов почти лишь одна бытовая и биографическая сторона дела, а столь важная экономическая за недостатком статистиче-

ского материала не может быть изображена, как бы она того вполне заслуживала. Материалов по истории книжной торговли, конечно, найдется не мало, и в любом из наших книгохранилищ, архивов, музеев, отдельными нумерами даже у любого из наших коллекционеров, но все это не приведено в известность, и мы не имеем даже простого, голого списка с обозначением имен наших „книжников“, как обыкновенно называют работников книжной торговли и книгоиздательской деятельности.

Вот почему, думается, могли бы иметь значение для будущей истории нашей книжной торговли даже всякого рода отрывочные заметки о деятелях ее, особенно, если они имеют все признаки достоверности, а иногда и прямо документальности.

Обращаясь к Кольчугиным, вспомню с благодарностью обязательных, любезных моих корреспондентов: В. Г. Ёлчину и Н. В. Турова. Они сообщили мне и вновь довольно ценные дополнительные сведения, частью по семейным воспоминаниям, а частью и по справкам в фамильных документах.

Ныне, совокупив воедино все доступные мне сведения о Кольчугиных за XVIII и XIX стол., предлагаю их благосклонному вниманию читателя, частью повторяя то, что было обнародовано мною в журнале Н. Г. Мартынова „Книжная биржа“ за 1906 год (об Иване Григорьевиче Кольчугине 1801—1862), и с добавлением поправок, новых разысканий и воспоминаний книжников Ив. Козм. Шамова (ум. 1912) и Як. Ив. Киселева (ум. 18 янв. 1926) об Ив. Ив. Кольчу-

гине (ум. 1895 г.). Эти последние две статьи были вызваны в свое время особыми обстоятельствами. Дело в том, что, когда я поместил в „Книжной Бирже“ 1906 г. (год второй, апрель, стран. 1—7), сведения о жизни и деятельности Ив. Ив. Кольчугина, то я излишне доверился известному почтенному библиографу и библиофилу П. А. Ефремову и, ничтоже сумнясь, придал полную веру его рассказам об И. И—че, коего и он знал хорошо лично, но П. А. Ефремов позволил себе мистифицировать меня, очень едко и с сарказмом отозвавшись, например, об увлечении К—на переводами с французского языка. Многое оказалось потом незаслуженными инсинуациями Ефремова... и, понятно, должно было возмутить семью и друзей покойного И. И. Кольчугина. При перепечатке своих трех статей из „Кн. Биржи“ в отдельном издании я принужден был вырезать сообщение П. А. Ефремова и перепечатать текст этого отдела, заменив его другой редакцией.

Мои московские незабвенные книжные друзья известный московский крупный книгопродавец-издатель Алексей Дмитр. Ступин, букинист Аф. Аф. Астапов, и многие др. из их дружеского кружка, горячо приняли к сердцу мою неудачу, и помогли мне выбраться из этого неприятного положения. Они поспешили устроить мне свидание на квартире у А. А. Канышова, сына известного моск. фабриканта конторских книг и художественных переплетных изделий, куда были приглашены его сестра — вдова и дочь Ив. Ив. К—на, Аф. Аф. Астапов, и я, а мой благо-

желатель — ученик И. И. К—на Иван Козмич Шамов в виде реванша прочитал свои „Воспоминания об И. И. К—не". За вечерним чаем, и после происшедшего обмена мнениями и удовлетворив все мои вопросы и недоумения о Кольчугиных, Ив. К. Шамов вручил мне для будущего моего издания в виде целой монографии о Кольчугиных — рукопись, своего доклада, что я ныне охотно и исполняю.

В моих примечаниях к тексту настоящей брошюры я помещаю еще свои заметки о моск. книгопродавцах Шамовых и все то, что о них и о себе сообщил мне Ив. К. Шамов, а также и о книжниках — народниках первой половины XIX века А. В. и В. В. Логиновых, у коих учился отец И. К. Шамова и оба брата Ступины.

Таким образом настоящая — если можно так выразиться — монография о Кольчугиных XVIII—XIX ст. является вполне вновь переработанным и существенно дополненным *новым* изданием посвященным вопросам, которых автор касался в изданной в 1906 г. брошюре с аналогичным до известной степени содержанием, но то была, скорее сказать, лишь первая проба, а нынешний труд носит уже вполне и безусловно законченный вид труда, посвященного всестороннему изложению затронутого предмета и сообщает не мало важных данных к эволюции и росту книжного и книгопродавческого дела в тогдашней России, вполне обновлена также и иллюстративная часть издания.

Если настоящий опыт выступления с монографией,

посвященной истории книготорговли в России будет благосклонно поддержан просвещенной публикой и оправдает труды и материальные затраты издательства, то у автора не замедлят быть сданными в издательский портфель и дальнейшие выпуски (числом до 50 или даже более), посвященные указанным ниже вопросам и долженствующие в дальнейшем и законченном своем виде представить собою возможно полный опыт. „Очерка Истории книжной торговли и книгоиздательского дела“ с появления у нас письменности и до настоящей поры, устроения их на новых основаниях и для всенародия, о коем уже с XVI в. нет-нет да идет молва, ставшая в наше время действительным фактом: народ призван к кормилу правления и свободе.

Издание выпусками облегчает покупателю приобретать книжки, но ни автор, ни издательство никак не могут при современных условиях печатания и издания гарантировать своевременный выход всех выпусков издания; точно так же выход выпусков — скорее отдельных самостоятельных брошюр — не может придерживаться строго определенного плана и порядка, а будет печататься тот выпуск, для которого окажутся подготовленными в достаточной мере и художественная часть и приложения, так как и иллюстрации по мысли автора и издательства признаны важною и неотъемлемою принадлежностью самого текста книжек.

Автор и Редактор настоящего издания просит интересующихся по предмету труда — программа ко-

его сообщена Издательству — присылать свои сообщения материалов, указания, замечания и запросы по адресу: Ленинград, В. О. 7 л., д. 2, кв. 16. П. К. Симони.

Павел Симони.

6 октября 1926.

Московские книгопродавцы
КОЛЬЧУГИНЫ
XVIII—XIX столетий
в их торговых делах и в домашнем быту.

1. Вид местности у Спасск. ворот

С акварели художн. А. А. Алексеева хран. в Эрмитаже; оч. уменьш.

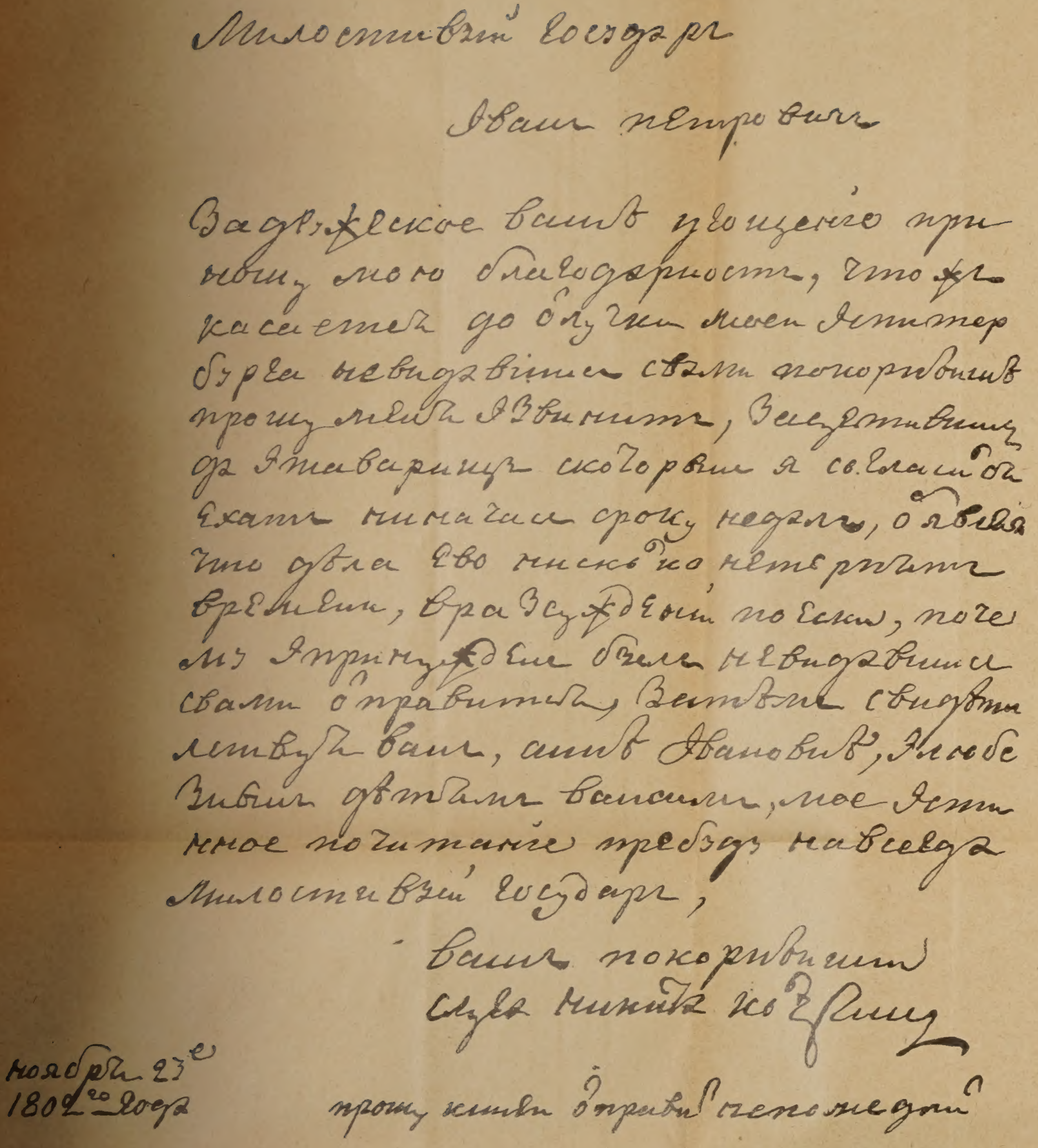
I. Московский книгопродавец, бывший приказчиком Н. И. Новикова, Никита Никифорович Кольчугин (1753—1827).

В Москве издавна, конечно, была и своя книжная торговля, но своего особого рода; припомним издавнюю производительность рукописную и печатную на Спасском мосту у Спасских Кремлевских ворот, далее у Сухаревой башни, на Смоленском рынке, на Вербе, многочисленных гуляньях и проч. Печатный Двор имел свою книготорговлю и во многочисленных Рядах Московского Гостиного Двора, далее то тут, то там можно было натыкаться на продавцов книжных, а затем ходячие продавцы книжных изделий в разных частях города. С возникновением в Москве Университета водворилась чистая и прикладная наука совсем уже западного типа, как и мечтал о том гениальный М. В. Ломоносов. Университет завел свою Типографию и книжную университетскую лавку (1755). С появлением Новикова (1779) книгоиздательское и книготорговое дело достигло полного процветания и составляет в истории книжного дела высшую точку своего развития. Новиков умел привлекать к общему делу людей — к авторству, переводчеству, издательству, а главное к книгораспространению. Благодаря его стараниям у нас как-то сразу образовался образцовый

инвентарь книг учебных, детских, для чтения, научных, театральных, и т. д. Достаточно сказать, что в 10 лет своей деятельности на книгоиздательском поприще в Москве у Новикова образовался книжный фонд до 900 различных звваний (заглавий) изданных им книг, было что выбрать читателю и почитать. Теперь стало возможным говорить и о чтении книг по своему выбору, вкусу и нуждам, материальному достатку и т. д. Новиков охотно давал книги книжникам на комиссию и на льготных условиях, а о привлечении любознательного читателя и об облегчении ему выбора книг и особенно приобретения и говорить нечего.

С течением времени почти все московские мелкие книжники сделались как-то сами собою его комиссионерами и распространителями книг по Москве и ближайшей округе в провинции. Сам Новиков имел несколько книжных магазинов, лавок, обширные склады книг уже отпечатанных и т. д. По выражению Карамзина, он как богатый негоциант — торговал книгами. После 1785—1789—92 гг. Новиков стал подвергаться ограничениям в своей деятельности, надзору, опале и заточению.

В числе главных пособников и, так сказать, правой рукою Новикова оказался, как он сам себя объявил на допросах в Канцелярии Московского Генерал-Губернатора Прозоровского, а может-быть не миновал и Тайной Экспедиции: — „Московский купец 2-й гильдии Никита Никифоров сын Кольчугин, приказчик Новикова, торгующий в книжной лавке в доме Новикова, состоящем за Никольскими воротами“. Далее



Милостивый государь
Иван Петрович

Задружеское вашъ угощение приношу мою благодарность, что же касается до случки моей Юпитер Бурка невозвратится с вами покорнейше прошу меня извинить, заслужившу от товарищу скоторвин я согласился бы ехать ни на час срок недели, объявя что дела его никак не терпят времени, вразсуждении чего, почему я принужден был невозвратиться с вами отправиться, за тем свидетельствую вам, а мы Ивановы, и любезным детям вашим, мое истинное почитание пребуду навсегда Милостивый государь,

ваш покорнейший
слуга Никола Кольчугин

ноябрь 23е
1802го года

прошу книги отправить непомедлив

2. Факсимиле почерки Ник. Никиф. Кольчугина (1753—1827).

на допросе показал, что „он находится в числе старообрядцев, а ныне (1792 г.) подал здешнему митрополиту просьбу, чтоб его присоединить к православной церкви российской. Прежде он имел торг в москательном ряду, а потом тот торг, яко мало прибыльный, переменя, производил уже торг книгами, получая оные из Санкт-Петербургской Академии Наук и из Типографии Новикова за деньги и на кредит, для чего и имел здесь 3 лавки на Никольской улице. В одной сам сидел и торг производил до 1790 года, в других двух лавках — сидельцы.

„А как посредством сего торга познакомился он с Новиковым и, получал от него разные выгоды, перешел к нему в дом в приказчики, а в своей лавке оставил сидельцев. Принявши приказчичью должность и взяв в свое ведомство книжные лавки и книжные магазины, принимал от Новикова книги в продажу из его типографии, что в доме бывшем гр. Гендрикова, в числе которых и запрещенные книги отданы были ему в продажу“.[1]

Вот, так сказать, из собственных уст мы познакомились несколько с Никитою Никифоровичем Кольчугиным, выступившим уже во всем всеоружии книгопродавческих знаний в фирме Типографической Компании и в книжной лавке Университета.

---

[1] См. „Новые сведения о Н. И. Новикове и членах Компании Типографической“. — Сообщены Д. И. Иловайским (Летописи русской литературы и древности Н. С. Тихонравова. М. 1863, т. V, стр. 18—19).

Родом Кольчугины из Черниговщины из г. Стародуба. Н. Н.К. родился в 1753 году, из крестьян, родился в старообрядческой семье. Молодым человеком покинул он отчий дом и родину и, взяв с собою лишь божье милосердие, направился в далекую Москву, где и стал походячим торговцем в разнос, затем торговал в Москотильном ряду. Мы не знаем, почему и когда он стал торговать и книгами, но можно догадываться, что книги, как у старообрядца, были у него при себе всегда, равно как и предметы религиозного обихода, и если не продавать другим, то он мог их менять или просто давать для прочитки за плату и т. п. Точно известно, что он имел три свои собственные книжные лавки на Никольской улице; в одной торговал сам, а в других держал сидельцев. Он таким образом был очень зажиточным купцом 2-й гильдии в тогдашней Москве и, вероятно и по развитию умственного склада и начитанности привлек к себе особое внимание Новикова и заслужил его полное личное доверие. В деле Новикова он очень умело исполнял дела и поручения доверителя и выступает как бы его душеприказчиком и дает показания, которые сбили с толку недалекого Генерал-Губернатора Прозоровского. Он раскрыл так сказать часть своих карт — тогда уже, когда скрывать было невыгодно и можно было потерять доверие судей. Из судного дела Новикова можно узнать, что будто к Новикову он поступил в дом,[1] когда ему было

[1] Новиков жил в Университетском типографском доме подле Воскресенских ворот (см. „Записки Андрея Болотова“, т. V, стр. 1013; ср. Лонгинов: Новиков и Моск. Мартинисты, стр. 374).

К стран. 27.

РОСПИСЬ
РОССІЙСКИМЪ
КНИГАМЪ,
ПРОДАЮЩИМСЯ
Безъ переплета и въ разныхъ переплетахъ
въ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
КНИЖНОЙ ЛАВКѢ,
у
Московскихъ купцовъ Кольчугина и Переплетчикова,
въ домѣ подъ No 144,
Состоящимъ у новаго каменнаго Никольскаго мосту,
А въ другихъ городахъ
Можно получать сіи книги чрезъ всѣ Почтовыя Конторы.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической
1789.

3. **Снимок с загл. листа Росписи 1789 г.**

С экз. в собран. Д. В. Ульянинского.

36 лет в 1789 г., года за 3 (?) до 1792 г., т. е. до судьбища. У Моск. купца 3 гильдии Никиты Никифоровича Кольчугина был дом на Никольской улице на том самом месте, где потом был дом аптекаря Феррейна, за Кольчугиным он показан в 1785—1794 гг., а ранее в 1755—1784 гг. это владение было известно под именем „двора с.-петербургской Академической Лавки, где всякие книги продаются“ (Описание Москвы, изд. Рубаном в 1775 г. книга I, стр. 6; юбилейное издание к 100-летию фирмы Глазуновых, стр. 19).

К 1789 г. относится очень редкая: „*Роспись* Российским книгам, продающимся без переплета и в разных переплетах в Университетской Книжной лавке у Московских купцов Кольчугина и Переплетчикова в д. под № 144, состоящим у Нового Каменного Никольского моста, а в других городах можно получать сии книги через все почтовые конторы. Москва в типографии Компании Типографической. 1789“.

Вместе с этим Переплетчиковым, Глазуновым, Полежаевым, Заикиным и Водопьяновым и др. Н. Н. Кольчугин томился под судом и следствием по делу Новикова до 2 июля 1796 г.

В семейных преданиях о Никите Никифоровиче Кольчугине—держится мнение, что и он стал масоном и после него много масонских реликвий и портретов оставалось.

Умер Н. Н. Кольчугин в 1827 г.

II. Григорий Никитич Кольчугин, р. 1779, ум. 1835 г.

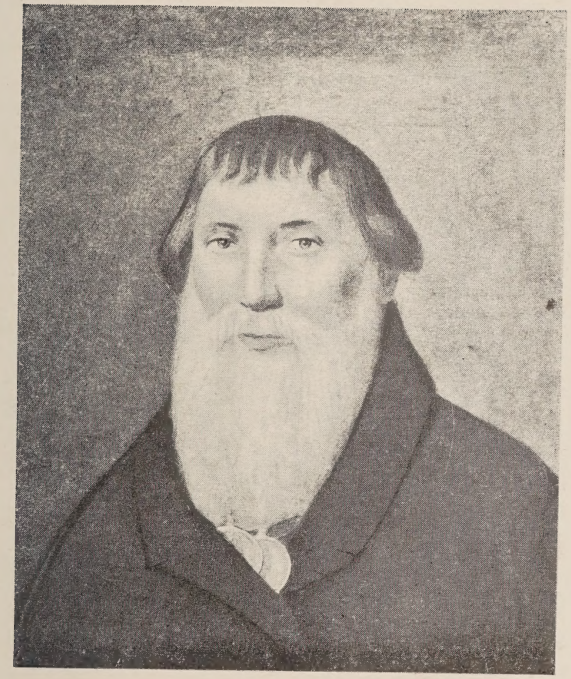
Сын Никиты Никифоровича — Григорий Никитич род. в 1779 г., получил вполне хорошее воспитание и образование, так как имел возможность воспитаться в семье Обрезковых,[1] где ему удалось овладеть знанием французского и немецкого языков, так что впоследствии он много переводил с этих языков. Он помогал отцу в книжной торговле и сам продолжал ее. Издан был в 1799 г. перевод Геснеровой поэмы „Смерть Авеля“ с посвящением переводчика и издателя старинному другу семьи Н. В. Лопухину.

В событиях 1812 г. Григорию Никитичу пришлось вытерпеть много горя и обид, тем не менее он и до этого года и потом все время нес на себе служебные обязанности Гоф-маклера в Коммерческом Банке и стяжал себе честным и неукоснительным отправлением своих служебных дел — уважение и почет от многочисленных своих клиентов в течение многих лет знакомства.

Наступил 1812 год и в стихийных пожарах и невзгодах, с потерей имущества и при страданиях родных и семьи он сам и семья его не успели во время

---

[1] Алекс. Мих. Обрезков воспитанник Сухопутн. Шляхетного Кадетск. Корпуса (1733—1740), состоял в свите нашего посольства в Константинополе, а с 1753 г. был Резидентом, в 1768—1772 содержался в Семибашенном замке, — участвовал в Конгрессах Фокшанском и Бухарестском, умер в 1787 году.



4. **Григ. Никит. Кольчугин (1779—1835).**

С оригин. акварели, принадлеж. Н. В. Турову.

выбраться, бежать из Москвы и принуждены были вытерпеть все ужасы нашествия наполеоновых полчищ.

Все вытерпел Гр. Н. Кольчугин, и сам описал в письме к одному влиятельному лицу с изложением всех причин, какие могли задержать его в Москве. Письмо было издано в Русском Архиве 1879 г., (№ 9, стр. 45—62) и перепечатано в моей брошюре о Новикове и Кольчугиных (1906 г.). Вследствие зависти какие-то недоброжелатели обнесли его перед графом Ф. В. Растопчиным и последний преследовал его долгое время наравне с отъявленными мятежниками Московскими. В 1815 только году Гр. Никитич получил амнистию и 10-летние его страдания кончились: он был восстановлен в своих правах и в должности Гоф-маклера и по Учетной Конторе. Состояние его сильно пошатнулось вследствие потери немалой части его за Варгиным, известным поставщиком по армии.

Умер Григорий Никитич 24 марта 1835 г., оставив после себя 11 человек детей.

III. Иван Григорьевич Кольчугин (1801—1862 гг.).

Иван Григорьевич род. 8 июля 1801 г. и с 12-летнего возраста уже был отдан в ученье книжному делу к Московскому же книгопродавцу П. И. Глазунову, который с 1811 г. открыл свою там торговлю. Уже после пожара Москвы 1812 г. Иван Григорьевич возвратился к своим пенатам и стал работать в отцов-

ской лавке на Никольской улице в доме Казанского собора. О нем ниже сообщается мною на основании собранных Аф. Аф. Астаповым и А. Д. Ступиным, Я. И. Киселевым, П. П. Жариновым, И. М. Березиным и др. преданий, воспоминаний, анекдотов, пересмотренных в свое время по моей записи П. А. Ефремовым и с немалыми его дополнениями — обстоятельный очерк жизни, деятельности и причуд Ивана Григорьевича, память о котором, так выпукло и ярко сохранялась еще недавно в среде московских старожилов. Ниже в заметках В. П. Ёлчиной, Н. Н. Турова, читатель найдет и еще кое-что о нашем книжном деятеле прошлого времени. Он оставил в среде библиографов, библиофилов и строго ученых добрую память своими редкими знаниями и суждениями о старых книгах.

Характер странный, замкнутый, мрачный, почти какой-то демонический (он был магнетизером и охотно занимался лечением).

IV. Иван Иванович Кольчугин (ум. 1895 г.).

Когда родился И. И. Кольчугин, наследник книжной торговли после прадеда, деда и отца — в наших источниках нет сведений. Ниже мы помещаем в приложениях две статьи его ученика Ив. К. Шамова и давно знавшего его по книжным отношениям Я. И. Киселева, оба эти автора выяснили много нам характер Ивана Ивановича и его приемы книготорговой деятельности. Книжную торговлю И. И. принял по наследству от отца в 1862 году.

От торговли старыми книгами он постепенно переходил к торговле новостями, новыми книгами и в короткое время привел свой магазин в щегольской внешний вид, пополнил сильно новыми книгами и дело у него пошло так, что его книжная торговля считалась наравне с лучшими московскими книжными магазинами. Он попытался даже издавать, но опыт неудался и пришлось остаться при продаже чужих изданий.

Он издал две книги „Органическую Химию“ проф. Кекулэ в переводе с немецкого. Москва (стр. 3—118 + 11 (Оглавл.) — вышел еще 4-й выпуск того же издания — М. 1864 г. Дозв. Цензурою 12 октября 1864 г. — типография С. Орлова (стр. 119—352. На задней стороне обложки значится цена: „Рубль“).

Ив. Ив. состоял в большой дружбе с братьями Салаевыми и в особенности с Федором Ивановичем, которая его серьезно поддерживала; со смертью Ф. И. Салаева и торговля И. И. Кольчугина заметно сократилась.

Старые книги оказывались ненужными в палатке и спустя уже много времени купил их книгопродавец П. Л. Байков: пришлось при выборке книг с чердака очищать их от грязи; чуть ли не на пол аршина голубиного помету накопилось на книгах, многие сгнили и оказались уже попорченными. За все было заплачено не более двухсот рублей. В 1884 году, когда Иван Иванович закончил самостоятельную свою торговлю, то весь магазин купил с аукциона за 850 руб. А. А. Астапов. Лавка с обстановкою и товаром пошла в продажу для покрытия долга Коль-

чугина причту Казанского собора, в доме коего он снимал помещение.

В последнее время И. И. Кольчугин служил приказчиком в книжном магазине у И. Д. Сытина в Москве; скончался в январе месяце 1895 г. в больнице, уже в бедности. Отпевали на Б. Серпуховской улице в церкви при доме Купеческого Общества. Похоронен так же, как и отец на Даниловском кладбище (у церкви по левой стороне).[1]

---

[1] См. краткий некролог И. И. Кольчугина за подписью Д. Б. в Книжном Вестнике, г. XII 1895, № 2, стр. 22.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

О роде и родословии Кольчугиных.

(Сообщено В. Г. Ёлчиной, урожд. Кольчугиной).

Мой прадед *Никита Никифорович* пришел из г. Стародуба (Черниговской губ.) в Москву и стал торговать книгами в разноску. Из дома он взял только образ Нерукотворенного спаса. Родные его были старообрядцы, а он принял православие и сделался массоном. Масонские знаки и портреты многих известных масонов существовали еще после смерти моего деда. Их помнила моя мать. Но при продаже дома и после раздела они все были растеряны. У Н. Н. было двое детей: Анна девица и сын Григорий. К тому, что вы знаете уже про Григория Никитича из его „Записки", я могу только прибавить, что он строил какие-то казармы в Москве. Моя мать называла их „Красные". За них он получил от Николая I золотую табакерку, которая находится у меня. У него было пятнадцать человек детей: Никита, Александр, Иван, Григорий (род. 1811 г.), Петр, Алексей, Надежда, Ольга, Елизавета, София, Анна, Вера, а остальные трое, вероятно, умерли в детстве. Кто из них был старший не знаю хорошенько, кажется Никита. Никита имел книжную торговлю. Про него

рассказывают, что он обыкновенно лежал на прилавке и играл на гитаре; когда же приходил покупатель, то он указывал ему — на какой полке стоит требуемая книга, а сам продолжал играть и петь. Александр рано умер в дороге из завода в Москву. Про Ивана я знаю очень мало; знаю только, что его женили насильно на богатой и уже не первой молодости, по тогдашнему, девице Кирильцовой. Говорили, что он занимался также лечением и ходил всегда с карманами полными всяких лекарств. Петр служил в Москве в Сенате и, состоя на службе, слушал лекции в Моск. Университете. У меня находится его аттестат об окончании курса и формулярный список. Имел двоих детей: Анну (девица) и сына Александра; Анна умерла во время холеры 48-го года. Александр учился в гимназии, и неокончивши, курса, поступил в военную службу. В Севастопольскую войну он был убит. У меня есть несколько его писем к моим родителям и сестре. Григорию отец, умирая, оставил медный завод с тем, чтобы он выделил братьев и сестер, Анну и Веру. Григорий так и сделал, только младшего брата Алексея оставил при себе. После смерти Григория, моего отца, Алексей оставил торговлю и завод за собой, а моей матери выделил деньги. Затем, он вскоре женился на сироте, дальней родственнице моей матери. Дела его шли очень хорошо и он нажил значительный капитал, так что спустя 8 или 10 лет он решился взять за себя казенный железный завод в Сибири, близь Красноярска на Абакане, с условием пустить его в продолжение года заочно. Завод к на-

значенному сроку не был пущен, он разорился и вскоре же умер. Однако кредиторы его получили обратно свои деньги сполна.

Надежда замужем за Тереховым, и имела двоих сыновей: Федора и Сергея. Федор оставил большую семью, но я их не знаю. Ольга замужем за помещиком Шаталовым; имела дочь Агриппину, которая с 13 лет не ела мяса и вела до конца жизни монашескую жизнь (вековушки).

Елизавета замужем за Селезневым. Анна замужем за богатым купцом Потаповым, имела трех сыновей: Михаила, Александра и Николая и дочь Веру, замужем за доктором Рещиковым. Вера и Александр умерли. Вера замужем за Туровым, имела двух сыновей, Николая и Владимира. Владимир умер. Отец мой Григорий Григорьевич был женат на купеческой девице Брюшковой, имел 9 человек детей, из которых двое умерли в детстве. Остальные: Екатерина (девица), Александр, София (замужем за немцем Краузе), оставила дочь Зинаиду и сына Александра, который учился в гимназии и писал стихи; Василий учился в Академии Практических Наук и затем в Университете, Владимир учился в гимназии, Анна (девица), Варвара (замужем за учителем Ёлчиным). Сестра моя Екатерина писала в прозе повести.

Мой отец Григорий Григорьевич, хотя был и не старший из братьев, но был оставлен дедом Григорием Никитичем, как бы главою всей семьи. Все остальные члены считали себя вправе искать здесь покровительства и помощи. Так и оставалось до самой смерти

моего брата Александра. И я могу без хвастовства сказать, что никогда ни один родственник, даже и отдаленный не уходил из дома моего отца, а затем моей матери и брата без помощи; сирота — без покровительства. У нас постоянно кто-нибудь из бедных родственников проживал или гостил; кого-нибудь выдавали замуж или же хлопотали куда-нибудь пристроить. Все это делалось не только при жизни моего отца; но и после его смерти, при скромных средствах моей матери: часто даже в ущерб своим детям. Конечно, я могу говорить от себя только про ближайшее ко мне время, когда хозяйкой оставалась моя мать не Кольчугина. Но, она очень рано вышла замуж и всецело предалась строю и интересам своей новой семьи, а потому порядки, которые были у моей матери, были „кольчугинские". — „Кольчугинский дом" был в своем роде идол, которому поклонялись и приносили в жертву как себя, так и других. Дух Кольчугиных так и сохранялся в нашей семье. Его поддерживали в особенности мои сестры Екатерина и Анна, которые ярко сохранили в себе все черты как хорошие, так и дурные „кольчугинского" характера.

Все мои тетки были хорошие хозяйки, играли на фортепьяно, терпеливые рукодельницы. Одна из них, Елизавета, даже превосходно играла на рояле (по словам моей матери) и художественно вышивала гладью. Разводили цветы. Я бы назвала старинных Кольчугиных вполне культурною семьей. София Григорьевна также писала стихи.

Дети Петра Григорьевича, моего дяди, после

смерти своего отца, жили в семье моего отца, и он их очень любил, так же, как и моя мать.

У меня кроме образа и табакерки сохранились еще письма моего отца к матери, кресло, два стула и несколько мелких вещей.

Что касается портрета с двумя медалями, я припомнила следующее: мой старший брат Александр после смерти отца был взят дядей Алексеем к своей торговле, и жил у него в доме в продолжение 8 или 10 лет. Следовательно он видел и знал — чей это портрет, который и есть подлинный портрет, как вам сказал Н. В. Туров. Однажды я спросила брата: чей это портрет — деда или прадеда? Он отвечал: это портрет деда. Я сказала: но ведь был же портрет и прадеда. Он отвечал: это портрет деда, а где портрет прадеда я не знаю и не видал.

Про Ивана Ивановича, моего двоюродного брата могу сказать, что, несмотря на все его недостатки, ошибки и промахи, он был человек очень добрый. За все время, какое я его знала, я не помню ни одного неблагородного, нечестного или злого поступка против кого-либо. Свою сестру, мать он очень любил и относился к ним с безупречным уважением, а так же и к своей жене. У меня сохраняется его письмо к моей сестре Екатерине от 1867 г.

Про Алексея Григорьевича и его проказы — моя мать рассказывала множество анекдотов. Хотя он обидел и мою мать при разделе, но она всегда говорила, что он превосходно вел торговлю при жизни моего отца. А мой отец занимался более заводом,

который находился близ г. Серпухова в имении Нащокиных. Мой отец был хорошо знаком с Боткиным Василием домами. Белинский также бывал у нас в доме и вел с отцом переписку, но письма его все были впоследствии уничтожены. Вот и все, что я вам могу сообщить.

К воспоминаниям В. Г. Ёлчиной — ее свойственник Н. В. Туров также составил для меня небольшую записку и дал два портрета: один небольшой акварельный (формы кабинетной фотографии), другой — маленькая миниатюра на кости:

1. „О моем прадеде Н. Н. Кольчугине (сконч. 1827 г.) могу сказать только, что бывало смотря на сохранившийся у дяди моего портрет масляными красками и художественной кисти, на котором он изображен с двумя большими медалями, я спрашивал у моей матери (Веры Григорьевны, урожденной Кольчугиной), за что они ему были пожалованы, и она мне говорила, что медалями этими он был награжден за постройку Покровских казарм. Оказывается, что Никита Никифорович был не только книгопродавцем, но и подрядчиком по каменным работам.

2. О деде Григории Никитиче (сконч. 1835 г.) могу добавить по поводу его переводов, что у меня долго хранились записки из придворной жизни Екатерины II. По нашим преданиям это был перевод с французского, хотя за потерею начальных листов и вообще за раз-

розненностью их — имени их автора не сохранилось. Записки эти были частью черновики, частью переписанные на бело и в последнем случае свидетельствовали о чрезмерной аккуратности и тщательности моего деда, так как по форме их можно было принять за купленную книгу, до того строго были соблюдены все требования книгопечатного искусства, судя по формату и четкости почерка, по правильно соблюденным на страницах полям со всех четырех сторон и проч.; очень сожалею, что в бывший у нас пожар, книга эта сгорела.

3. О дяде Иване Григорьевиче.

Книжный беспорядок замечался у него и в доме. Бывавши у него ребенком, я помню груды книг, наваленные у него на столах и на полу. Мне настрого воспрещалось их перекладывать. Неизменным подарком от него служила азбука в картинках — отдельными буквами, в виде карт с изображением: ананаса, бабочки, голубя и т. д. по порядку букв или какая-нибудь сказка.

В семейной жизни дядя был домосед и можно сказать нелюдим; мать мою (его родную сестру) он любил, но в доме у нас он никогда не был и только в последний год своей жизни он был у нас два раза один за другим в скорости. Долго говорили у нас об этом, как о необыкновенном происшествии, объясняя его тем, что дядя предчувствовал приближение своей кончины. О случаях лечения им больных, могу добавить, что он занимался и магнетизированием: мать моя, женщина болезненная, нередко обращалась к нему

за советами и он ее не раз магнетизировал; помню случай его магнетизирования через платок.

Москва, 25 октября 1906 г. Н. Туров.

Иван Григорьевич Кольчугин.

(1801—1862 гг.).

Книжное дело, по наследству от деда продолжалось в одной из лавок Кольчугиных на Никольской улице рядом с собором Казанской божьей матери, в доме, принадлежавшем последнему, — и одним из сыновей Григория Никитича, — Иваном Григорьевичем.

Акад. и проф. С. П. Шевырев в своем „Введении в историю Русской словесности“ при сведениях о библиотеке М. Н. Лонгинова счел уместным упомянуть имя И. Г. Кольчугина, как достойного и известного ученым и библиофилам книгопродавца (см. „Историю Русской Словесности“. Лекции. Часть I. Изд. 2-е умноженное. Москва 1859 г. стр. XXXVIII; изд. 3, С.-Пб. 1887. ч. I, стр. XLIX);

И. Г. Кольчугин родился 8 июля 1801 г. (так значится на его надмогильном памятнике на Даниловском кладбище). К книжному делу он пристал с 12 лет (с 1813 года?), сперва служил у книгопродавца П. И. Глазунова (р. 1782 г.), с 1811 года торговавшего в Москве, во время его широкой деятельности. Самостоятельно же стал он торговать в наследственной лавке, повидимому, лишь после 1812 года, а до того был в учении по книжному делу. Лавка Кольчугиных

5. **И. Г. Кольчугин (ум. 1862).**

(по фотогр. в натур. велич.).

помещалась в одноэтажном, невысоком каменном доме; вход был почти наравне с мостовой, окон не было, но две двери, которые и были постоянно открыты для света, что и называлось лавкою в два „раствора". Против лавки приходился „Узенький ряд" — как его прозывали в Рядах; там еще палатки, были в ряду, что сзади Ножовой линии; вверху было помещение на подобие чердака, его то и занимали чуть не даром. Над дверями лавки была длинная вывеска железная, на белом черными буквами написано: „Книжная торговля такого-то".

Чтобы читатель мог уяснить себе, что означалось названием „палатки", попросим его заглянуть в изданный С. В. Кульженком в 1893 г. в Киеве атлас рисунков при „Очерке" А. С. Размадзе: „Торговые ряды на Красной Площади в Москве" (см. таблицы „Верхние ряды перед сломкой", „Ножевая линия", „Узенький (межеумок) ряд", „Холщевый ряд"). Там можно видеть эти палатки во 2 ярусе и над ними чердаки, обделанные деревом в 3 ярусе постройки.

Кольчугиными для склада книг было занято издавна несколько таких палаток и чердаков над ними. Оконных стекол в них не вставляли, голуби свободно там водились и летали; да и самые помещения не запирались. В старое время такие чердаки, за смертью хозяев легко занимались первым, кто бы ни пожелал и кому бы было удобнее занять такие бесхозяйные, как-бы выморочные помещения.

Известно, что книжная и картинная торговля в Москве чуть ли не с XV—XVII веков укрепилась

под Кремлевскими Спасскими воротами и на Мосту, который был устроен от них к Красной Площади. Книгопродавцы ведшие торговлю на Спасском мосту в лавках, повидимому еще в 1780—1790 годах сами, стали перебираться постепенно на Никольскую улицу, где уже издавна были иконные лавки, в коих продавались и вообще разные предметы церковно-служебного обихода, а также церковные печатные и письменные книги, тетрадки, листы с акафистами святым, молитвами и проч.

В знаменитый пожар Москвы 1812 года сгорели „Гостинный ряд“ и весь город, на Никольской же „книжные лавки все сгорели“, остались целы домы: Шереметьева, Духовная Типография, Кусовникова и еще один чей-то дом...“ (см. Русск. Архив 1876 г. № 7, стр. 312). После пожара все стало обновляться и вновь отстраиваться.

Старые Верхние Торговые Ряды (до 1886—1893 гг.) главной стороной выходили на Красную площадь, где находилась так называемая „Ножовая линия“. Внутри этой части Рядов было в 1850—1860-х годах и ранее место, где торговали подовыми пирогами и выстроился даже целый Квасной Ряд, а квасы были в то время разнообразные: малиновый, яблочный, грушевый и т. п. Тут же приютились торговцы лубочными картинками, которые они развешивали на веревочках для более удобного обозрения их покупателями.

На Никольской улице в половине XIX века ютился уже по левой стороне (идя от Красной площади) сплошной ряд книжных лавочек. На правой же стороне

К стран. 41.

6. Вид **„палаток“** во 2-м ярусе в Ножовой Линии в старых Торговых Рядах в Москве.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Никольской ул. книжная и картинная торговля производилась только в проездных воротах, ведших во дворы, где были всякие торговые склады, и на ограде дома графа Шереметьева, где между прочими производили торговлю в 50-х гг. Вл. Вл. Лепехин (перебравшийся впоследствии в Петербург), С. Ф. Хлебников, Вл. Н. Шайкин, братья Иван и Алексей Герасимовы, Ив. Петр. Балакирев, братья Павел и Сергей Шишовы, Иван Никол. Салаев и Ив. Мих. Преснов.

Вообще Никольскую улицу в Москве в то время следует приравнять к Книжной линии или „Ряду“ на Апраксином рынке до пожара последнего, случившегося в Духов день 28 мая 1862 г. (в Санкт-Петербурге).[1]

Покойный Московский книгопродавец и антиквар-собиратель Аф. Аф. Астапов в своих любопытных записках, которые переданы им в наше распоряжение и которыми мы пользуемся, где нужно, в настоящей статье, сообщил об Иване Григорьевиче и его сыне Иване Ивановиче сведения с 1850 года, когда А. А. Астапов еще служил у дяди в Ножовой линии и торговал там в „шкапчике“ писчей и почтовой бумагой. Ивану Григорьевичу с сыном приходилось ежедневно проходить по рядам, так как они жили в Замоскворечьи за Чугунным мостом, в Овчинниках,

---

[1] О книжной торговле на Апраксином Дворе до пожара и потом нами приготовлен очерк, который и может появиться, в одном из ближайших выпусков.

в приходе Михаила архангела в собственном деревянном домике.[1]

П. А. Ефремов в „Рассказах о временах Николая“ в статье II: „Братья Критские и их товарищи в Москве“ привел из юношеской поры жизни И. Г. Кольчугина один случай, когда он мог бы сильно пострадать за неосторожное свое слово, вызванное просто его прирожденным украинским остроумием и веселостью нрава. „11 Августа 1827 года на главную гауптвахту в Кремле пришол некто Николай Лушников, сын симбирского помещика, приехавший в 1826 г. для поступления в Московский Университет“... Оказывается, что Лушников и его недавние знакомые, братья Критские были привлечены к ответственности за призыв военных людей к мятежу и т. п. Приводим выписку о самом Кольчугине:

„Книгопродавец Московский купеческий сын Иван

---

[1] Есть упоминание, что в 1785—1794 гг. Моск. 3-й гильдии купцу Никите Никифорову Кольчугину, „записному раскольнику“, принадлежал на Никольской улице дом (между домом Ремесленного Общества и домом братьев Третьяковых, ныне аптекаря Феррейна) и что ранее с 1755 по 1784 год владение сие известно было под именем „Двора Санкт-Петербургской Академической Лавки, где всякие книги продаются“ (см. Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы. Часть I. М. 1793 г. (под № 3) и изданную А. А. Астаповым „Летопись Московской Троицкой, что в полях Церкви, составл. свящ. оной о. Николаем Соловьевым“. М. 1887, стр. 248—249, вын. 52 и 53). — У И. Г. Кольчугина был еще дом — против Обжорного ряда; он был его сыном Иваном Ивановичем продан за 25.000 руб.

Кольчугин (показал). Лушников, зайдя в лавку, спрашивал о цене „Дум“ Рылеева, и выхваляя его гений сожалел об (его) участи. Кольчугин сказал: „(что), за что он погиб, увековечило его память; Следственная Комиссия сделала их дураками; они бы по нашему, по просту из-за уголка“... Лушников сказал иронически: „пойти помолиться за царя, да поставить за него свечку!“ — Кольчугин прибавил: „Да, уж и от меня поставьте сальную!“ Кольчугин против этого показания Л—ва не сознался, говоря, что не помнит, и что по молодости это может быть извинительно, „впрочем прося снисхождения у присутствующих“.— „Незабвенный“ написал на докладе Комиссии между прочим 21 ноября 1827 года: „Кольчугина простить, но иметь строгий присмотр“ (см. „Полярная Звезда“ на 1862 (год), издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка VII, вып. 1. Лондон, Вольная Русская Типография, 1861 г., стр. 104—105).

Внешним видом Кольчугин-отец — по словам Астапова, — походил на Плюшкина: худощавый, борода бритая, носил длиннополый светло-синего цвета армяк или кафтан, зимою в шубе, — и ниже живота подпоясывался кушаком, на голове фуражку или точнее картуз, триповый зимою с ушами. И ходил он в таком одеянии десятками лет без изменения. Сын, Иван Иванович носил впоследствии красные брюки и сюртук голубого цвета. Идет, бывало, Иван Григорьевич и всю свою жизнь торопится скорым шагом, бегал петушком согнувшись. В лавку Иван Григорьевич ходил всегда аккуратно и ко времени. Идут отец и

сын сзади, согнувшись и понуря голову, во всю дорогу молчанкой. В былое время в Рядах висели по линии в середине иконы, то, идя по Ножовой линии, не пройдет Иван Григорьевич мимо ни одной иконы, чтобы не помолиться. Когда он снимал картуз, то обнажалась вся его блестящая лысина. Если ему случалось встречаться с людьми знакомыми, то он на приветствия снимал картуз и кланялся, но не было заметно, чтобы он кому-либо подавал руку, и торопится далее; только слышится при поклоне его всегдашняя книжная фраза: „Бью челом нижайше земли!“.. Подойдут оба к лавке, помолятся богу на обе стороны, а уже их ждут не дождутся покупатели и продавцы книг: это так называемые „стрелки“,[1] что за минувший день наловили в домах, у татар, у барышников... И так целый день у Кольчугина в лавке толчется народ, кто за чем.

В лавке И. Г. Кольчугина во всю ее длину был устроен прилавок, у прохода за него была конторка на столе, и за нею всегдашнее местопребывание хозяина. Ни стула, ни скамейки в лавке не было. Между двумя дверями постоянно лежала огромная груда книг, покрытая пылью; книги были навалены как нипопадя, т. е., попросту сказать, царил в ней невообразимый хаос, но никто не смей тронуть с места книги, если она им где была положена, потому, что

[1] Стрелками называются в Москве люди вольных профессий, причастные к книжному делу и часто служащие посредниками между книгопродавцами, торгующими в лавках, и продавцами и т. п. — Ср. с петербургскими „племянниками“.

он хорошо знал, где какая книга лежит, чуть не зажмуря глаза найдет сам нужную покупателю книгу. Если же кто из служащих брал ту или иную книгу, то клади на то место, где она лежала: храни бог, вздумать переложить книгу и в новый порядок привести,— Иван Григорьевич взбесится, изругает на чем свет стоит, потому что он каждую книгу знал куда положил, за порядком же не следил.

Но старик пользовался величайшими симпатиями разнокалиберной Московской публики: часто можно было встретить в его лавке таких покупателей книг для своих внучат, которые еще в своей молодости приобретали их для себя.

Известный наш библиограф, издатель русских классиков и собиратель-библиофил П. А. Ефремов был покупателем Кольчугина чуть ли не с того времени, как стал себя помнить. Сперва он ходил (10-ти лет) гимназистом покупать учебники, которых у Кольчугина всегда было запасено много, и выбор их был значительный. Обыкновенно учебники, в которых миновала уже нужда, выменивались с небольшою скидкою на другие, и так бывало от курса до курса ежегодно осенью. Потом вспоминает Петр Александрович, как он стал постоянным уже клиентом и покупателем Кольчугина по поступлении уже в Московский Университет и много позже. Придет он к Кольчугину и скажет, что ему нужно собрать. Иван Григорьевич в ответ: „поищу-с!“ — это значило, что есть у него, сыщет непременно. Отправляется он к знаменитой „куче“ между двумя входными дверями, где он

держал преимущественно подозрительные книги, присмотрится и, не разбирая ничего, покопается и вынет, что следовало сыскать. От Кольчугина П. А. Ефремов приобрел в свое время разные редкие издания К. Ф. Рылеева: „Думы“, „Войнаровский“ и пр.; „Повести“ Павлова „Проделки на Кавказе“, много сатирических журналов Екатерининского времени и т. д. Особенно выгодно расторговался Иван Григорьевич, когда было сделано московскими властями по книжным магазинам распоряжение, чтобы им „Отечественные Записки“ не продавать, а представлять в Канцелярию Московского генерал-губернатора графа Закревского; за них обещали выдавать по рублю за книжку. Отдельно же книжки „Отечественных Записок“ с статьями Герцена и Белинского продавались Кольчугиным вообще дорого, по 50 коп. за книжку, тогда как другие книжки им уступались по 10—12 коп. Но вот теперь был случай приобрести их по очень сходной цене: Кольчугин представил книжки Отеч. Записок (1841—46 гг.) в Канцелярию графа и получил за них по рублю, но предварительно вырезал из них все статьи Герцена и Белинского, за которые Отеч. Записки и были извлекаемы из продажи. Таких вырезок с статьями и романами набрался наконец у Кольчугина целый короб. Когда о запрещении было уже забыто, он и стал под шумок,[1] потихоньку продавать их постоянным своим покупателям. Так он уступал их и Петру

---

[1] И. Г. Кольчугин был не на дурном счету у Закревского (П. А. Е.).

Александровичу дешево, так как статьи эти уже с лихвою себя оправдали.

Вот один из главных торговых приемов Ивана Григорьевича, на которые он так был изобретателен. Покупатель спрашивает книгу. Если есть она у него, то доставать с полки или из кладовой сам пойдет или пошлет мальчика, с обычным присловием: „Молодой человек, поди-ка сыщи (такую-то) книгу, у правой стены на 3-ей полке снизу во 2-м ряду (всегда точное указание)". Если же книги нет у него, то были у него вымышленные ключи от всей Никольской; и тогда скажет мальчику: „Возьми ключи от палатки и принеси книгу". Мальчик и сын бегают по всем книгопродавцам, с ног собьются, достанут требуемую книгу, а покупатель все сидит, иногда по несколько часов, в зимнее время чуть не замерзнет, но дождется... Вот тут-то и раздастся крик Ивана Григорьевича. Это — он пробирает своих посланных, что, мол, „пошлешь и ничего найти не сумеют, пропадут, а покупатель — жди!" ... Одним словом Кольчугин так разгорячится, что покупателю уже станет неловко и он сам пытается усовещевать Ивана Григорьевича, что он так кипятится... Но книга найдена и продана: это его победа!

Был такой случай. У Ивана Григорьевича около прилавка лежали очень небрежно томы Сочинений А. С. Пушкина, которые в то время ценились очень дорого. Какой-то молодой человек стащил у него эту ценность. Кольчугин всполошился, заставил стрелков во что бы то ни стало разыскать пропажу. Эти — как

гончие собаки стали повсюду искать и нашли-таки. Оказались книги у книжника Д. И. Преснова, но этого для Кольчугина еще мало: надо знать, кто продал, как одет, какова его внешность, физиономия и т. д. Все в порядке передано Ивану Григорьевичу и книги ему доставлены, деньги заплачены Преснову. Только раз приходит невзначай похитивший их — господин очень прилично одетый. Как начал Кольчугин его поносить всячески; любимая его приговорка была: „чтоб ему на том свету, провалиться на мосту!“. Это стих из „Конька-Горбунка“, соч. П. Ершова (см. 17 изд. СПб. 1898, стр. 24). После этой отчитки господин этот, разумеется, к нему ни ногой!...

Иван Григорьевич казался человеком развитым, но отличался некоторыми странностями: он был чудак — себе на уме, мудрый философ и Фигаро, — когда нужно, обладал редкой памятью; знал хорошо библиографию, но не знал, сколько ему лет от роду: год тому назад он, например, уверял, что ему 59, и потом несколько времени спустя, доказывал, что 54. Старожилы, его знавшие, насчитывали ему и все 70. Он обладал способностью не стареться, — на его натуру десятки лет не действовали: всегда в духе, — весел и любезен при покупателях; таков ли он был в семейной жизни — мы не знаем. Но в Москве редко кто его не знал; в его лавке был резервуар всех книг в разных видах; случалось так, что одно и то же сочинение у него имело три и пять цен, смотря по тому, насколько уцелела книга.

Торговал И. Г. Кольчугин более всего учебными книгами и только раз в 1846 году покусился издать на свой счет, повидимому, произведение своего же пера и беспритязательного балагурства — брошюрку шутливого содержания в простонародном духе под заглавием: „Турусы на колесах“, но появление в свет означенного невинного творения причинило, без сомнения, не мало неприятностей ее издателю, а, может быть, и создателю!...

В виду того, что брошюра эта представляет библиографическую редкость, позволим себе познакомить с нею поближе с содержанием наделавшей в свое время столько шуму и затем немедленно изъятой из продажи и уничтоженной брошюрки.

Первое известие (1874 г.) об упомянутой брошюре подал покойный собиратель белорусских и великорусских песен П. В. Шейн в „Русской Старине“, г. 21, 1890 г. апрель, стр. 201; здесь Шейн дал маленькую заметку о своей находке и перепечатал весь текст брошюрки с пропуском немногих мест, так как в его экземпляре оказалось несколько вырванных кусочков с текстом (см. стр. 202—204). Он указывает, что на его экземпляре (на обложке) напечатано: „Продается в Москве в книжной лавке И. Г. Кольчугина. На Никольской улице. Цена 20 коп. серебром“. Экземпляр, которым мы пользуемся (Г. П. Б. 18. 232. 3. 190) — в крашеной обложке розового цвета, но нигде этой фирмы мы не нашли на нем. Может-быть эта бумажка приклеена потом, а старой обложки — не сохранилось на книжке.

Настоящая брошюрка очень малого формата в 12^0 или даже 16^0. (11 + 15 см.); в начале шмутцтитул, заглавный лист, на обороте: „Печатать позволяется... Москва. 20 декабря 1845 года. Цензор Николай Зернов"; далее идет текст на стр. 5—24. На всех листах, не исключая и заглавных — сделана наборная рамка. Форма изложения текста брошюры напоминает причитания раешника или балаганного деда, пересыпанные поговорками, прибаутками и проч. Как бы эпиграфом выбрано одно место текста на стр. 7: „Вались народ — от Яузских ворот!".

Эта книжечка — говорит П. В. Шейн — появилась в 1846 г. в Москве на Никольской, в лавке Кольчугина и у букинистов и продавалась по 20 коп., но через неделю за нее вдруг стали платить по синенькой и даже красненькой, т. е. по 5 и 10 р. ассигнациями, только потому, что неизвестно по какой причине ее запретили и полиция ее отобрала у всех книгопродавцев. — Городская молва тотчас растолковала себе это дело по-своему, что тут-де изображены Московские Обер-полицеймейстер (Лев Цынский, названный в брошюре: „Левушка, забубенная головушка"), сыщик Скаретко и городской голова.

Робкие попытки выставлять на публичное осмеяние бездействие или злоупотребление властью общественных или административных деятелей не новость в нашей литературе. Они начались еще в царствование Николая Павловича, но были каждый раз устраняемы, как только стали замечать, что публика читает их с особенною жадностью и упорно приписывает изо-

браженные в них качества и действия лицам, поставленным во главе какой-либо отрасли правления. Книга или журнал, где напечатано было что-нибудь подобное, тотчас запрещались и отбирались полицией. Чувствительнее всего приходилось при этом платиться непроницательному цензору. Что в тогдашней обличительной гласности и не было тени того, что мы привыкли называть этим именем, между прочим, может служить убедительным доказательством упомянутая книжечка.

Вскоре, обстоятельства дела, т. е. намеки брошюрки на современные злобы дня нашли объяснения в заметке А. И. Станкевича, помещенной в томже журнале („Русская Старина", 1890 г. июнь, стр. 576). Автор заметки, указав на П. В. Шейна, который в своей вводной статейке недоумевал, почему запретили эту брошюру и полиция в то время ее отбирала у всех книгопродавцев — привел в объяснение выписку из книги: „Историч. сведения о цензуре в России" (СПб, 1862, 8^0, стр. 66—67), в которой сказано: „В 1846 г. гр. Орлов (А. Ф., шеф жандармов, начальник 3-го Отделения Собств. Его И. Величества Канцелярии) писал министру Нар. Просвещения: получено мною сведение, что напечатанная в недавнее время в Москве брошюрка под названием: „Турусы на колесах", принадлежала к народным рассказам, признана в публике явным пасквилем, ибо объясняют, что напечатанное на стр. 15: „Пришла правда от Воскресенья в Кадашах", означает дом бывшего городского головы Шестова; на той же странице слова: „А то всякий

Иван смотрит только в свой карман" — относят, как намек на Московского обер-полицеймейстера (в Адрес-Календаре на 1846 г. исправляющим эту должность показан И. Д. Лужин, а полицеймейстером Л. Н. Верещагин — говорит г. Станкевич, но дело идет о только что уволенном тогда обер-полицеймейстере Цынском, как указано выше), тем более, что вслед за тем идет речь о „Левушке, забубенной головушке, который махнул от севера на юг", в чем видят ясно намерение злословить генерала (Цынского), уехавшего на юг в Херсонскую губернию. Далее из слов „Кто с темной ночи оброк брал" — выводят общие мысли о бранд-майорах, а под выражением: „записного плута оправдал" — разумеют дело купца Сомова, произведенное бывшим полицеймейстером".

А вот еще одна коммерческая уловка. „Еще когда Иван Григорьевич продавал учебные книги, то одно время Историческая грамматика Русского языка Ф. И. Буслаева, изданная в 1858 г. (в 2 частях: этимология и синтаксис), была библиографической редкостью и ценою доходила до 10 рублей за экземпляр. Учебник введен в разные школы, а книги нет. Вот и случилось Кольчугину приобресть как то неполный экземпляр, и что же, какую он из этого устроил проделку?... Кому нужно полный курс, т. е. подбор всех выпусков, изданных в конце 1850-х, в начале 1860-х гг. „Учебных руководств для военно-учебных заведений", комплект по разным наукам: словесности, математике и т. д., то эту книгу он продает за полную

и ценою за 5 рублей, так что в лавку дороже дадут, а отдельно эту книгу не продаст ни за что (сам Иван Григорьевич платил по 5 и 8 рублей). Только принесут этот курс домой: окажется, что грамматика неполная, приходят, указывают. „Ах! извините, меня самого обманули, получите деньги обратно“... А курс все-таки сошел и деньги получены. Через несколько времени опять грамматика эта пошла в ход и та же история: Иван Григорьевич извиняется... — ее он называл „кормилицей“. — А эта книга, может-быть оставлена была потому, что по пословице: на безрыбье и рак — рыба, вот причина; — или и свой экземпляр был неполный, потому и оставлено..., или не дошли до той страницы, коей не достает и т. п. Случалось, что эта грамматика десятки раз возвращается Кольчугину с указанием, что неполная, а он всякому покупателю жалуется, что мошенники, его надули, чтобы им „на том свету провалиться на мосту!“... Это говорит он каждому покупателю и тут же книгу эту продает уже другому. Но беда ему, когда ее не приносят назад, книга осталась у покупателя, а он уже успел наобещать нескольким покупателям, что ему хотели принести ее“...

Смотреть на этого „артиста“ книжного дела приходили с удовольствием. Сам Н. В. Гоголь, — по словам А. А. Астапова, — будто бы просиживал у Кольчугина в лавке по несколько часов.[1] А он ко всем

[1] П. А. Ефремов сообщил мне, что и сидеть то было не на чем и И. Г. Кольчугин никогда и не вспоминал о Гоголе. Кольчугин рассказывал об Аксаковых и Белинском, о Гоголе же он

обращался с поклонами, с почтением... „Бояра“ его любили, приезжали покупать лечебники для собак, книги по птицеводству и сельскому хозяйству...[1] Цены же с них Кольчугин дерет без милосердия... Прямо сказать, человек волшебством каким-то обладает, обворожит покупателя словами. Речь его уснащенная словцами, да прибаутками так и льется...

Вот примеры оригинальных объяснений Ивана Григорьевича и его балагурства со своими покупателями:

а) Какой-то гимназист спрашивал у него учебник, кажется географию Ободовского. Кольчугин подает ему. Осмотрев книгу, гимназист замечает книжнику, что в книге нет конца.—„До конца-то ни когда не доучивают“, — наставительно возражает продавец.

б) В другой раз, тоже, кто-то из учащихся, спросив Грамматику Греча или Востокова, объясняет Кольчугину, что он дал ему слишком старое издание. — „А ты выучи прежде старое“, — авторитетно убеждает его Иван Григорьевич.

в) Иван Григорьевич продает Святцы. Покупатель

наверное бы не утерпел что-нибудь выложить. Да даже и изданий Гоголя у него нельзя было достать. Вышли „Мертвые души“ в желтой обложке, продавались по 10 руб. ассигнациями... П. А. купил эту новую книгу не у Кольчугина, а у Базунова.

[1] В то время ценились очень дорого: I. Фр. Зобергейма „Частная фармакология, или Наука о лекарствах для академического и практического употребления“. Перев. с немецкого М. Вейнберга. 2 части. М. 1841—1844 гг.; изданный Парфением Энгалычевым: „О продолжении человеческой жизни, или Домашний Лечебник“, в 6 частях. 5 изд. М. 1833 г.; — Ботаника Ив. Двигубского и т. п.

и спроси его: „А что, дядя, это будут Святцы-то полные?“ — „Да, да“, — отвечает Кольчугин, — „самые полные, даже слишком: но только ни одного грешного нет!“ ...

Н. В. Гоголь, вероятно с чьих-нибудь слов, также отметил в своей записной книжке два „выражения“ Кольчугина:

1. Журнал долго не выходит. — „Эти журналисты с своими книгами, как девушка с платоническою любовью: „люблю, люблю“, а все ничего нет!“ ...

2. „Я просила Катехизис за 1842-й, а вы дали за 1830-й“ ... — „Да ведь это все равно, сударыня: катехизис такого рода вещь, что тут воображением не разыграешь, хоть сам Филарет!“ ... (см. Царь-Колокол, библиотека для чтения, за 1892 г. № 3, стр. 91. — Ср. в „Сочинениях Н. В. Гоголя“, изд. 10-е под ред. Н. С. Тихонравова и В. Шенрока. Т. VI. СПб. 1896: „Из записной книжки 1842 года“ (стр. 520; прим. на стр. 824, прим. 7-ое, „Выражение Кольчугина“).

Способы И. Г. К-а отваживать покупателей.

Любивший всегда побалагурить с покупателем Иван Григорьевич тем не менее скучал иногда посетителями, которые ходили без дела и смотрели ему, так сказать, в рот...

Вот как он их пытался отваживать:

1. Вдруг достанет с полки какой-нибудь долго лежавший на одном месте фолиант, да как встряхнет его, так что пыль чуть ли не столбом на всю лавку

поднимется, да еще он угодит такому посетителю пыль пустить под самый нос, что начихается здорово!...

2. В зимнее время, морозы трескучие до 40 градусов доходили, лавка же у Кольчугина в два раствора и обе двери настежь и зиму и лето, значит в лавке также тепло, что и на улице..., а Иван Григорьевич вдруг скажет докучному посетителю: „Посидите, пожалуйста, я сейчас сам схожу в палатку за книгой", — и отправится в Московский трактир обедать, а его покупатель все сидит — дожидается, да как намерзнется и скажет мальчику: „Нет, уже я озяб, я лучше в другой раз зайду!". Да такие проделки не раз выкинет и отучит покупателя слушать его балагурство.

3. А то еще повадился к нему ходить один генерал и надоел ему. С этим Иван Григорьевич уже и сам не знал, как поступить, а тоже и дела по-горло, а тот как бельмо на глазу. Крепился-крепился старик, да и надумал. Стрелок приносит книги, заметил генерала и по обычаю должен дожидаться, когда освободится хозяин; стрелок в ожидании, переминается с ноги на ногу, вертится тут же около лавки снаружи... Увидал его Кольчугин, и ну кричать на него: „на право!" — Стрелок на-право. Кричит: „на-лево!" — Стрелок на-лево. И так десятки раз повторялась подобная команда. Наконец подзывает стрелка к себе в лавку и начинает его бранить на все лады: „Вы мне тут мешаете,... вертишься, как бельмо на глазу, а у меня дела по-горло!" Выхватил из рук оторопевшего стрелка книги, да под прилавок, а ему крикнул: „Ступай вон!".. Генерал посмотрел на хозяина, да в простоте сердеч-

ной и говорит ему: „Прощайте, Иван Григорьевич; как видится, вы очень расстроены“..., и ушел. К вечеру нерешительно приходит стрелок, от которого Кольчугин отнял книги; последний манит его к себе и отдает ему деньги за книги. Тот спрашивает Ивана Григорьевича: „за что Вы меня изругали?“ — „Э!... Это не тебя, а вот того генерала; каждый раз все приходит, сидит, а тут дело есть!“...

Кольчугин заставляет покупателя самого искать книгу.

„Ходил к И. Г. Кольчугину какой-то генерал за книгой, которая ему была нужна, — уже не раз. Как водится, ему Иван Григорьевич обещал, что есть у него эта книга; сведал ли он о скупости покупателя, или просто хотел испытать терпение генерала, только надо сказать, что в любви к книге нет закона... По-видимому, генералу надоело, наконец, ходить за книгой, и он спросил Кольчугина: „Когда же Вы приготовите мне эту книгу“? — и при этом спросил, где же лежит у того книга и даже вызвался, сам поискать ее в лавке. Кольчугин указал ему на громадную пачку книг, генерал и ну разбирать эти книги, а нужная-то ему книга оказалась в самом низу пачки. „Ну, вот она, сколько стоит“? — Купил, деньги выложил, да еще свой труд приложил, и его же благодарит. За ту же цену, пришлось покопаться, да и пыли не оберешься. „Это уже одно слово любовь к книге, да и только: в наше время мальчика даже не заставишь так работать“... — заключает свой рассказ А. А. Астапов.

Дружба-дружбой, а дело делом.

В компании И. Г. Кольчугина были известные писчебумажные торговцы, как-то: Дмитрий Дмитриевич Кочетков, Петр Васильевич Брюхов, Николай Петрович Меньшев и Александр Никифорович Канышев. Это были задушевные его друзья, и, как видится, все замоскворецкие жители. У А. Н. Канышева в то время (1850 г.) имелся замечательный подбор бумаги и предметов для украшения кондитерских коробок. Эти то два друга, и торговали один напротив другого по Никольской улице — один книгами, а другой бумажными прихотями. О Дм. Дм. Кочеткове надо сказать, что это патриарх своего времени, добрейшей души человек, кто бы ни пришел к нему в лавку, поведет сейчас гостя в трактир, одним словом был хлебосол... Вот однажды, когда А. Н. Канышеву понадобилась какая-то книга, тот посылает своего мальчика (которому Кольчугин потом зубы лечил), — к последнему с запиской. Иван Григорьевич взял записку, чтобы прочесть, только, хвать, очков никак не найдет... Туда, сюда, нет очков, да и очки у него были не нашего времени, а довольно солидные, крупная серебряная оправа чуть не в пол-фунта весом будет; благодаря небрежности книжной в лавке завалились очки куда-то... Кольчугин дает записку приказчику; „книга есть, вон на правой полке“... И пошла перекличка: „правей, левей!“... „Ну, вот она, давай сюда!“ Судя по книге, если ее оценить в 20 коп., то более и не стоит. Кольчугин же дает

мальчику книгу и говорит: „На, вот, цена 2 рубля“. Мальчик приносит хозяину книгу. Последний спрашивает его: „Сколько за нее?“ — „Два рубля“. — „Неси ему назад“, вспылил хозяин. Вот-те дружба настоящая. Иван Григорьевич книгу взял, сунул к себе за пазуху и отправляется в известное время в трактир. Канышев ему и говорит: „Ты что же это за книгу заломил два рубля?“ — „Да, вот книга у меня за пазухой, только меньше трех рублей не возьму я с тебя, по совести сказал, а ты капризничаешь, не берешь“... Что же, нашла коса на камень, пришлось ему заплатить Кольчугину все три рубля. Вот жили в то время, дружбы своей на рубли не меняли, а оба были знатоки, только каждый по своей части.

Выгодная сделка.

Как ни был догадлив И. Г. Кольчугин, но и его обдували, иногда очень ловко. Был в Москве книгопродавец Калатилин, торговал он тоже на Никольской улице. Говоря словами рассказчика, шельма был преестественная. У него, например, была публикация: показывается жених прекрасной наружности, и говорят много народу по глупости ходило к нему посмотреть по публикации. Он очень любезно обращался с дамами, а глядишь, они что-нибудь и купят... То вот случилось Калатилину скупить какую-то книгу, что-то вроде учебного руководства. Книга не идет ни почем, вполне макулатурой оказалась. Только он отыскал одного господина и дает ему 50 рублей и

пишет ему реестр чуть не на 1000 рублей, при чем включает в требование своего учебника 500 экземпляров и посылает этого господина к Кольчугину, чтобы он сделал этот заказ последнему и как можно скорей его исполнил, при чем дает ему 50 рублей задатку... Иван Григорьевич согласился принять заказ и условия. Приходит он к Калатилину, торгует книгу, только тот ему не продает и говорит: „Она у меня очень хорошо идет: а если хочешь, то купи все издание, куда мне с ней возиться!“ Как ни вертелся Кольчугин, но купил у него всю книгу, а покупатель по реестру так и не приходил даже и за задатком. Только много уже времени спустя Калатилин сидит как-то с этим господином в трактире, чай пьет и обедает, вдруг приходит туда же Иван Григорьевич; увидал его Калатилин и спрятался под стол, и просидел там, а Кольчугин прошел, так и не обратил на них внимания, зная, что попался на удочку.

Кстати расскажем еще об одном смехотворном хотя и неожиданном для самого И. Г. Кольчугина, случае в его лавке. Не подалеку от него, где помещалась Городская дума, — здесь был прием в Крымскую кампанию в военную службу из крестьян Московского уезда. Призываемые раздевались для осмотра. Если призываемый был годен для военной службы, то кричали: „лоб“, а если не годился, то — „затылок“, и брили последний. Один из числа забракованных для службы, как был в одной рубашке, так и кинулся бежать из Присутствия куда глаза глядят кругом Иверской часовни, а родные ему кричат:

„Иван, постой, Иван, постой!“... А он ничего знать не хочет, — мимо Казанского собора, да прямо в лавку к Ивану Григорьевичу вбежал. Тут были какие-то барышни в это время. Кольчугин так и ахнул: „Ах, сударыни! Уйдите, пожалуйста, чтой-то он хочет делать, — неудобно сказать!“...

Жулики вытащили бумажник.

Однажды бежит Иван Григорьевич куда-то из трактира, торопится. Жулики и воспользовались, встретили его толпой и вытащили у него бумажник. Он был в восхищении от их ловкости и искусства; рассказывает об этом случае в своей компании: „Ах, мошенники, что же они сделали, меня же будут ругать, что там в бумажнике кроме моих записок ничего нет; да досадно, ведь мою руку они не разберут“... И восхищается проделкой жуликов.

„Картуз, назад!...“

„Как-то было по случаю ли царского приезда в Москву или по какой другой причине — полицейские загородили улицу, что ни пройти, ни проехать нельзя. Это было еще в николаевское время. И. Г. Кольчугин, как человек торопливый, и перебегает улицу. Это, вероятно, было на Воскресенской площади около часовни Иверской божией матери — он и перебегал в „Московский“ трактир или из трактира торопился к себе в лавку. Вот квартальный и кричит ему в след: „Эй, картуз, назад! Картуз назад!“... Иван

Григорьевич оборачивает свой картуз козырьком назад и все-таки перебегает через дорогу, не обращая внимания на окрик квартального. Только неизвестно, за эту ли шутку или за что другое Кольчугина вызывают к губернатору графу Закревскому... И что же, Иван Григорьевич облачается в особый костюм: надевает фрак с ясными пуговицами, белые перчатки. Одним словом тот костюм, в котором венчался, и вы поймете, хорош женишок явился к губернатору, во всей славе, но, вероятно, в „словесности“ недостатка не было“...

Обращение И. Г. Кольчугина со своими служащими и с чужими.

Относительно обращения с служащими можно вспомнить, что своих мальчиков, находившихся у него в „ученьи“, он имел обыкновение называть особыми именами, вроде: „мизантроп“, — „филантроп“, „амфибия“, „неописанная мелкота“, „мужчина“ и пр. „Не-могу-знаек“, как и Суворов, он терпеть не мог: дасть мальчику адрес покупателя отнести книги и прочее, мальчик бьется, бьется, не может разобрать его почерка, ищет по Москве чуть не целый день, и это в счет мальчику не ставилось: учись достигать цели!...

Но как сурово, на наш теперешний взгляд, Кольчугин позволял себе обращаться не только со своими служащими, но и с посторонними совершенно ему людьми из круга книжников.

Почтенный Алексей Дмитрич Ступин, известный в свое время в Москве и далеко по провинции издатель и книгопродавец, также поделился с нами своими воспоминаниями о деятелях книжного мира в старое время.

Его как-то, когда он служил еще мальчиком у Московского книгопродавца А. В. Логинова, послал хозяин или старший брат за получкой денег за книги к Кольчугину, а последний не очень то был расположен скоро уплачивать долги. Как мальчик, еще не постигший всей премудрости, вероятно, придя в лавку к последнему, прямо и сказал во всеуслышание о хозяйском поручении получить деньги по счету. Иван Григорьевич необычно деликатно позвал А. Д. Ступина к прилавку, взял его неожиданно для последнего за ухо или за волосы и покрутил их из стороны в сторону. „Пошел вон, после придешь!“ — закричал он на оторопевшего мальчика. Впрочем такая школа в то время ни во что не считалась. И вот, когда нужно было мальчика послать опять к Кольчугину за таким же делом в другой раз, он не идет. Спрашивают: „Почему?“ — „Да он дерется!“

Целебный кушак.

Еще упомяну об одном случае некоторого сходства Ивана Григорьевича с знаменитым Московским „студентом холодных вод“ Курейшею. Кольчугина любили, заслушивались его прибауток, верили его чудачеству и даже до того доходило, что он в лавке же лечил от болезней. Лечил он также от зубной боли

приходящих больных, только мы не имеем сведений, „заговорами“ ли он пользовал их, или собственно каким средством?

У себя в лавке Кольчугин имел всегда разные снадобья вроде муравьиного спирта, какой-то водицы и т. п. Вот один из курьезных примеров его счастливой практики.

Приходит к Ивану Григорьевичу мальчик, впоследствии известный коммерсант по конторским и типографским делам Николай Иванович Свиридов, в то время живший у Александра Никифоровича Канышева... Одно время разболелись у него зубы, хозяин его и направил к Ивану Григорьевичу. „Поди, говорит, сходи к Кольчугину: он тебя вылечит!“. С мучительною болью приходит мальчик к Ивану Григорьевичу и объясняет в чем дело. Последний принял в нем безвозмездное участие, достал какой-то пузырек и заметался по лавке, ища, вероятно, ваты. Но ее, как видится, не оказалось. Нисколько не раздумывая, он обратил взгляд на свой кушак, взял ножницы, отрезал бахромы от кушака, помочил из пузырька и прямо запустил на больной зуб. У пациента, как он потом рассказывал, искры посыпались из глаз, а Кольчугин его успокаивает: „Ничего“, говорит, „держи!“... Пошла у мальчика пена изо рта... Потом еще спросил: „Ну как, лучше стало?“ — Тот отвечает: нет, еще больно... Опять кушак пошел в дело, еще Кольчугин отрезал бахромы и намочил. Как видно здесь не рассчитывали на аптекарские драхмы и скрупулы, а сколько войдет в рот, то вновь

пришлось испытать влияние его лекарства до той минуты, пока успокоилось больное место... — „Ну, теперь иди с богом“, сказал Кольчугин. „И по сие время“, говорит рассказчик „я не имею зубной боли“.

Были у Кольчугина и совсем странные причуды: сидит в трактире в компании, нальет себе рюмку водки перед обедом и, когда случится отойти от стола, то предварительно поплюет в рюмку. Это все для того, чтобы его рюмку водки кто-либо по ошибке не выпил, приняв за свою. Надо думать, что и какая-нибудь примета имелась у него на этот счет.

Умер Иван Григорьевич 11 октября 1862 года; после него остались вдова, Марья Ивановна, сын Иван Иванович и дочь. Вдова пристроилась в купеческой Богадельне.

В издававшейся в Москве политической и литературной газете „Наше Время“, от 18 октября 1862 г., ч. I, № 224, стр. 895 „Московских вестей“ — читаем:

„В воскресенье, 14 октября, были похороны известного московского книгопродавца Ивана Григорьевича Кольчугина, умершего от изнурительной лихорадки и рака в печени“. (Тоже было перепечатано в „Моск. Ведомостях“ за 1862 г., № 228, стр. 1824, со ссылкой на „Н. В.“).

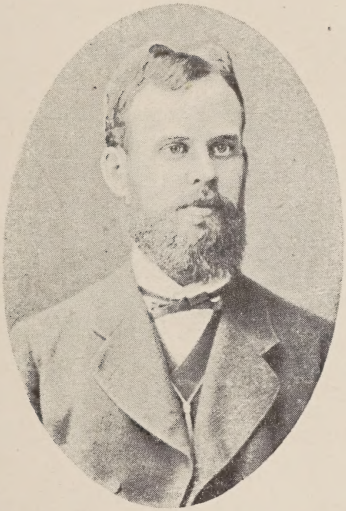
Прах И. Г. Кольчугина покоится на Даниловском кладбище, на его памятнике, лежачем, из дикого мрамора, отмечено: „Родился 8 июля 1801 г., сконч. 11 октября 1862 г., скончался 62 лет“.

Мои воспоминания об Иване Ивановиче Кольчугине.

(Сообщение моск. книжника Ив. Козьм. Шамова).

Я поступил к Ивану Ивановичу Кольчугину еще недорослком, и все молодые годы провел в его лавке, на Никольской улице у Казанского собора. С тех пор прошло сорок лет, но я, как сейчас, помню эту симпатичную, старую книжную лавку, эту академию, где я обучался уму-разуму под руководством незабвенной памяти Ивана Ивановича. Мне горько вспоминать эти давно прошедшие годы, горько чувствовать потерю тех прекрасных людей, благодаря которых я удержался на ногах, борясь за существование, и я возвращаюсь к моему прошлому лишь для того, чтобы высказать здесь тем добрым людям мою глубокую признательность, которую они поселили в моей груди. Благосклонный читатель да не посетует на меня, если я не приведу здесь полной характеристики Ивана Ивановича, как деятеля в книжном деле, а сообщу лишь отрывками мои воспоминания о нем, что мне подскажет память.

Я начну со дня моего поступления на службу, который мне так ясно припоминается. Это было 14 ноября 1862 г. Стояла форменная зима, недели две, как ездили на санях, по установившейся легкой



7. **И. И. Кольчугин (ум. 1895).**

(по фотогр. в натур. велич.).

дороге и мороз держался довольно чувствительный. Покойный отец мне за несколько дней сказал, чтобы я бросил свою охоту[1] и что я поступаю на место, к Кольчугину и объяснил: „Отец его был букинист, торговал старинными книгами, а сын заводит новое дело и ты поступаешь приказчиком". Выслушав эту новость, я не обрадовался, не хотелось очень вылезать из теплой норы, но пришлось покориться и в вышесказанный день, утром, отец велел мне одеться и, помолясь на икону, мы отправились в город. Я не боялся предстоящего мне дела в книжной лавке, так как живя при отце, тоже книжнике, я кое-что мароковал по книгам, но я беспокоился, потрафлю ли хозяину: ну, как закричит, думал я, да скажет: „не годишься, ступай домой". Что тогда!... Эти тревожные мысли мучали меня всю дорогу, пока мы ехали. Но вот, наконец и „город": часовня Иверской, свечные и семенные лавки с мальчишками на пороге, с толстыми обмороженными щеками и со стаканами горячего чая в руках, дальше Казанский собор и Никольская улица, с выкрикивающими разносчиками, пирожниками, сбитеньщиками... А вот и лавка Кольчугина. Войдя в нее, я встретил стройного молодого человека, выше среднего роста, в щегольской енотовой шубе с капюшоном и черной фуражке на голове. Он был очень молод, только что поднявшийся юноша, но выглядел старше своих лет, его серьезное, смуглое

---

[1] И. К. Шамов — любитель певчих птиц и автор книжек, посвященных их описанию, ловле, и т. д. (*П. С.*).

лицо с необыкновенно большим, высоким лбом и красивыми полными губами выражало недюжинный ум и внушало к себе уважение.

„Иван Иванович!“ — произнес отец, приподнимая шапку и отдавая поклон. Я последовал его примеру. „Вот, имею честь препроводить под ваше покровительство“ — шутливо проговорил отец, показывая рукою на меня.

— „А, сей мужчина!“ — ответил Иван Иванович, с улыбкою поглядывая на меня. „Пока вот считайте с ними вольфовские объявления, по сотням считайте“, — предложил он мне, показывая на кучу сложенной в пачки печатной бумаги, около которой стояли два мальчика, один, лет тринадцати, в дубленом полушубке, другой, поменьше, в ватной чуйке, оба подпоясаны кушаками. Я принялся за дело, а Иван Иванович, разговаривая с отцом относительно сказанных объявлений и Маврикия Осиповича Вольфа, пошли в трактир чай пить, к Кучумову в Ветошном ряду.

Окончив проверку вольфовских объявлений, я вместе с мальчиками зашел за прилавок и стал рассматривать лавку. Она мне казалась сараем, заваленным старыми книгами, обильно покрытыми пылью, до того была неопрятна против других лавок, в которых я бывал. Она была с двумя растворами без окон, но с внутренними створчатыми дверями со стеклами (эти двери никогда не затворялись). Внутри лавка была довольна обширна и высока, так что я долго боялся взбираться по лестнице на верхнюю полку, по стенам были поставлены простые сосновые шкафы

с полками, заставленными старыми книгами, среди которых лишь в двух-трех местах, как-то пятнами на общем грязном фоне, — стояли новые книги в чистеньких цветных сорочках (по физике, технологии и в шкафу „классиков“). То был нарождающийся магазин Ивана Ивановича, по смерти родителя Ивана Григорьевича, известного Московского букиниста-библиографа. По длине лавки, ближе к задней стене, стоял низенький досчатый прилавок, окрашенный красной краской, с конторкой с правой стороны, около прилавка скамейка со спинкой и за прилавком складной березовый стул с подлокотниками. Но вся эта обстановка была буквально завалена книгами и едва была заметна; с прилавка со стороны входа близко подойти было нельзя. В простенке между дверями как будто была набросана куча старого книжного хлама. Эта куча, говорили, имела большое значение у старого ее хозяина, она содержала в себе не мало ценных книг и он, благодаря своей колоссальной памяти, — отлично знал, где тут какая книга лежит, с какой стороны и при спросе живо доставал ее из кучи. Такой порядок некоторое время держался и у Ивана Ивановича, многие хорошие книги лежали где-нибудь в кучах хлама, а где именно — это знал только он, хозяин, мальчики не посвящались в звание товара, они знали лишь ходовые учебники (Св. историю Богданова, Арифметику Буссе, Географию Ободовского и т. п.) и потому, когда Иван Иванович уходил из лавки обедать или пить чай, он говорил: „я к Кучумову, что нужно — присылайте!“ и нередко, когда являлся по-

купатель, — один из мальчиков бежал за Иваном Ивановичем. В таком виде застал я лавку Ивана Ивановича, которую он унаследовал от покойного своего родителя и не успел еще разобрать. А разобрать было необходимо, в лавке много накопилось хлама, что видел и понимал как сам Иван Иванович, так и другие, расположенные к нему книгопродавцы — современник Николай Иванович Салаев, Александр Федорович Базунов из СПб. (правивший комиссией Ив. Ив.), Маврикий Осипович Вольф. К тому же в шестидесятых годах Иван Иванович по характеру времени не мог держаться старого режима и вести дело в рамках покойного родителя: условия для дела изменились, литература пополнилась и обновилась, ежедневно спрашивали новые книги, и молодой хозяин рвался удовлетворять требования покупателей. Посещая большие магазины и просматривая газеты и журналы, он тщательно следил за выходом всякой сколько-нибудь дельной книги и мы служащие, два мальчика и я, — редкий день не ходили по сбору и доставке книг покупателям. К чести Ивана Ивановича надобно отнести, что он, как торговец, не был падок до больших барышей и не заводил у себя никаких „Чудесных Зеркал, волшебно-таинственных открытий", которыми в то время так сильно наживались его соседи на Никольской улице, он стоял от них отдельно и устраивал свое дело по особому плану. Получая какую-нибудь новую книгу, особенно крупного автора, он непременно просматривал ее, прочитывал в главных местах и нередко на вопрос

покупателя по данной отрасли литературы давал обстоятельные объяснения, за что его многие любили и удивлялись его памяти.

К такому же осмысленному отношению к делу он подготовлял и нас, служащих: мне велел читать Белинского, говоря, если чего не поймете, спросите у меня. Другому служащему, мальчику Павлу, уже вышедшему в приказчики, способствовал изучению немецкого языка и тоже рекомендовал больше читать, но чтобы всякий раз спрашивал, что взять для чтения. И мы любили своего хозяина и глубоко уважали как умного и доброго, самого близкого нам человека. Мы подходили к нему, со всякими просьбами, не как к хозяину, к которому в то время, говоря вообще, нужно было знать как подходить, — а просто как к старшему из нас сослуживцу, откровенно говорили о наших надобностях и я не помню случая, чтобы нам в чем-нибудь было отказано; напротив, он бывало, сам, угадывая наши нужды, спрашивал: „Ну, братия, вам сколько нужно будет денег к празднику?“ Таким припоминается мне Иван Иванович как книгопродавец и как человек. Ниже я еще скажу два слова о его деятельности, а пока возвращусь к его лавке, к книгам.

В припоминаемые годы, вскоре, как я поступил к Ивану Ивановичу, — лавка бойко торговала медицинскими книгами для студентов, покупавших сочинения Полунина, Пирогова, и из „Библиотеки Медицинских Наук Хана“ — Нелатона и др. Но вскоре эти авторитеты сменились новыми и наш медицинский шкаф в короткий промежуток времени преобразился

и выглядел как будто в магазине. Одновременно обновлялись и другие шкафы. К характеристике литературы шестидесятых годов приходится отметить массу книг по естествознанию и прикладным наукам, которые громадным потоком хлынули из С.-Петербурга от новых книгоиздательских фирм и сразу перестроили все дело. „Все изменилось под нашим зодиаком", повторял Иван Иванович, и ежедневно записывал в требования новую и новую книгу. И действительно, все изменилось, старые столбы рухнули... Помнится даже Белинский отодвинулся в сторону, в лавках и магазинах публика (всякого класса и возраста) осаждала требованиями Бокля, Дарвина, Милля и пр. новых и новых просветителей, один за другим выходящих из печати.

Между тем Иван Иванович, формируя новое дело, не забывал и старого. Он говорил, что старыми книгами установилось Кольчугинское реномэ и у нас в нескольких отделах встречались довольно редкие книги, например, в так называвшемся Телепневском шкафу стояла многотомная „Древняя Российская Вивлиофика", Н. Новикова, 1791 г., „Опыт Российск. библиографии" Сопикова, „Книга Степенная" и некоторые другие старые книги. Но, особенно выделялся шкаф по истории; тут, казалось, все было собрано, старое и новое. Иван Иванович любил исторические книги, массу перечитал их и знал историю превосходно. И не только историю, обладая недюжинным и пытливым умом, он, как мы выше заметили, не пропускал ни одной более или менее серьезной книги не

ознакомившись с ее содержанием. И мы не удивляемся, что многие ученые люди находили у него объяснения по вопросам библиографии. Так серьезно относился к делу Иван Иванович. Он не стеснялся копаться в пыльном хламе, и в тихие для торговли летние месяцы сам разбирал его; что имело цену — оставлял в шкафу, или откладывал стопками и выносил в палатку, а что ничего не стоило — откидывал в кучу и продавал тем же букинистам, чтобы очистить место. Из старых книг у нас ходко продавались учебники всех программ. Но особенно гимназические, из коих много было заграничных изданий (по древн. яз.). Неудивительно было, что Иван Иванович прекрасно знал названия той или другой книги на иностранном языке. Его дома обучали книжным наукам, но, как это же знали его мальчики, привезенные из деревни и всегда без ошибки подававшие покупателю книгу, спрошенную на французском или немецком языке, — этому многие удивлялись, и сам Иван Иванович иногда в шутку говорил: „Господь умудряет слепцы!“... Продажей и покупкой старых учебных книг, можно сказать, характеризовалось все дело, все шли к Кольчугину за старыми книгами, со всех концов Москвы и тысячи бедных семейств выучивались по тем подержанным, копеечным учебникам, которыми снабжала их лавка Кольчугина. При покупке старья случалось, что какая-нибудь География Ободовского, или Грамматика Востокова в десятый раз возвращалась на полку к старому хозяину и снова продавалась при начале учения. Но, все преходяще, через год или два

как я поступил к Ивану Ивановичу, — эти установившиеся учебники стали сменяться новыми и старое дело Кольчугина само собой начало ломаться. В довершение администрация Казанского собора объявила Ивану Ивановичу, что лавку решено сломать и выстроить новое помещение под магазин, отопляемое в 2-м этаже. Иван Иванович принял новые условия, оставил лавку за собою и мы перебрались в дом Шереметьева, на той же Никольской. Тут мы, можно сказать, без дела просидели все летние месяцы, а осенью снова перебрались на старое место, где было выстроено небольшое, но красивое здание под магазин с жилым помещением во 2 этаже. Иван Иванович заказал прекрасную обстановку, с резьбою дубовые шкафы, дубовый прилавок и такие же средние двери с зеркальными стеклами, поставил мягкую мебель для посетителей и магазин был готов. Товар заранее был заготовлен и привезен от разных издательских фирм. Тут также преимущественно комплектовался учебный отдел, три шкафа были заставлены учебными книгами по всем программам. Шкаф с классиками и два шкафа с детскими книгами блестели золочеными переплетами на прилавке, около конторок были поставлены глобусы, в двух боковых растворах была устроена выставка новейшей литературы. Словом, магазин оборудовали образцовый. Без преувеличения можно сказать, что в отношении подбора товара он не имел себе конкурента. Правда, мы покупали выходящие новые книги по 2 или по 5 экз., но все же мы перед покупателем не произносили тех неприятных

слов: „нет-с, нету!“ Иван Иванович сильно не любил этого и в публике даже сложилось убеждение, что „у Кольчугина все найдешь!“ Этот отзыв нам по сие время приходится слышать из уст современников Кольчугина. Подбору товара в значительной степени способствовала покупка старых книг, что велось и в новом магазине. Так, помнится, была куплена книга и А. Н. Радищева: „Путешествие из Петербурга в Москву. СПб. 1790“. Иван Иванович был в восторге от этой покупки: „Вот книга, которую я еще не видал“, воскликнул он, обратясь ко мне и объяснил, что эта книга чрезвычайно редкая. Едва ли кто из наших корифеев видел ее, говорил он (подразумевая известных ему библиографов). „По отпечатании она была конфискована и уничтожена“. Купленный экземпляр он объяснял предположением, что это один из тех экземпляров, которые были подарены автором некоторым его знакомым; экземпляр был совершенно чистый, в простом переплете, кожаный корешок, крытый бумажкой, надписи никакой не имелось. К сожалению эта редкость только побывала в руках Ивана Ивановича: он показал ее известному в то время антикварию М. М. Зайцевскому и тот выхватил ее у него и заволновался, затрясся, сунул книгу в карман и решительно проговорил: „Возьми что хочешь, а книгу я не отдам!“... Так и унес ее с собой. Что произошло затем — нам неизвестно.

Новое дело развивалось постепенно. У Ивана Ивановича и без того был громадный круг знакомства, а с открытием магазина он и еще увеличился и

торговля пошла живее. К нам стали подъезжать кареты и коляски (завернул, помнится, даже министр пут. сообщ. Поссьет) и Иван Иванович подтянулся: начал изучать французский язык, для чего пригласил учителя, стал франтить и посещать театр и вечеринки у знакомых, а потом слышим, собирается жениться.

Но обратимся к магазину. Устраивая его, Иван Иванович все старые книги переместил наверх, где в трех комнатах были поставлены шкафы, нижнее же помещение, магазин — в короткий промежуток времени был переполнен новым товаром, так что ставили даже в два ряда. Дело совсем перестроилось. Были приняты на склад несколько хороших изданий. Пришлось ставить публикации в газетах, чего прежде не было, по желанию публики была открыта подписка на журналы и, наконец, Иван Иванович сам предпринял издание, напечатал „Грамматику польского языка“ Смита в переводе П. А. Гильдебрандта,[1] а затем „Органическую химию“ Кекуле в переводе с немецкого при участии Василия Григорьевича Кольчугина для университетских слушателей. Грамматика была скоро распродана изданием. Химия не пошла, что и остановило Ивана Ивановича продолжать издание, к тому же и без того дело так хорошо прогрессировало, что в пору было управиться, были приняты поставки в училища и библиотеки при некоторых приютах и фабриках.

---

[1] Это был Петр Андреевич Гильтебрандт — деятель Археографической Комиссии. (П. С.).

Так торговал Иван Иванович около двадцати лет и всем нам жилось хорошо... Я зачитывался книгами по естествознанию, завел с разрешения Ивана Ивановича певчих птиц наверху, а сам он поставил там в окнах комнатные растения, которые отдал под мое наблюдение, и часто приходил сюда отдыхать, читал французские книги эротического содержания, которые выписывал через магазин Вл. И. Готье, и вообще собирал и держал их в особом шкафу под замком. Все это я ясно припоминаю: цветущие олеандры на среднем окне, пение моих птиц и Ивана Ивановича, полулежащего на диване с книгой в руках, как сейчас вижу и переживаю хорошие минуты. Но, тут же и скорблю, что все это так скоро погибло. Иван Иванович заболел нервами и, огорчившись чем-то до глубины души, — махнул рукой на дело, расстроил его, казалось, намеренно, а кончил тем, что все было продано за долги, и он остался без всяких средств к жизни. Избегая стыда и отыскивая более сносное положение, — он уехал в С.-Петербург, оставив семью на иждивении родственников. Там проживал он в каких-то номерах, ходил по магазинам, просил работы, но находился в тяжком положении. Наконец, он неожиданно был выписан книгопродавцем-издателем К. Шамовым, опять в Москву вести торговлю в маленькой лавочке на той же Никольской улице. Этот деятель с успехом мог бы восстановить в то время хорошее Кольчугинское дело, но недоверчивость и самомнение препятствовали тому и он вскоре ликвидировал свою лавку. От Шамова Иван Ивано-

вич поступил к И. Д. Сытину, но здесь вскоре заболел и так тяжело, что его отвезли в больницу, а из больницы на Даниловское кладбище, где похоронили близь могилы отца Ивана Григорьевича.

Многие его осудили..., но я не скажу ему упрека и повторю, оканчивая мои воспоминания: „Покойся, добрый и честный человек, отдыхай, не слыша больше тех обид, которые ты претерпел здесь на земле“.

Дополнительные заметки.

1. Клавдий И. Шамов был не крупный книгопродавец-издатель, имел склад на дому и вел дела со всеми книгопродавцами, столичными и провинциальными. Из его ходовых изданий можно отметить: „Общий Стряпчий“, руководство для ведения дел по граждан. и уголов. законам до изд. Судебного устава, „Коран Магомета“ в Русск. переводе, начальный учебник французского языка, „Постепенное чтение“, Готье, Горе от ума, иллюстрированное издание (И. К. Ш.).

2. Букинисты-барышники: Балакирев, А. А. „Жар-птица“ и др. ежедневно являлись к нему с предложениями или с ответом по поручению (И. К. Ш.).

3. Здесь мы исключаем разные спекулятивные издания деятелей „Никольской улицы“, от которых, как мы заметили, И. И. сторонился (И. К. Ш.).

4. Известность Ивана Григорьевича распространилась далеко, его знали даже за границей: в издававшемся в Лейпциге журнале была напечатана о нем заметка. В Москве Иван Григорьевич пользовался большим уважением со стороны всех представителей литературы и состоял членом „Общества любителей Русск. словесности“. Пергаментный лист этого Общества на имя Ивана Григорьевича, как члена, нам при-

велось видеть, но содержание его в памяти не сохранилось (И. К. Ш.).

5. По этому поводу припоминается сценка. Вошел к Ивану Григорьевичу какой-то ученый муж, в очках с четырьмя стеклами, и спросил „Ключ к таинствам Натуры“ Эккартсгаузена. „Есть-с“, — ответил Иван Григорьевич, и обратясь к мальчику — произнес: „философия, на небеса!“... Мальчик пододвинул лестницу к шкафу и начал подниматься наверх. „Ну, проворней, не копайся!“ — торопил Иван Григорьевич. Мальчик, поднялся до верху полки и до того оробел, что не знал, что делать: держаться ли за полку руками, чтобы не упасть, или доставать книгу. Долго хозяин выкрикивал: „Ну, копайся, чего боишься, левей, не та, левее, красный ярлык, эта самая, давай!“ Мальчик с трудом достал книгу, но подавая неловко наклонился и чуть было не упал с лестницы, так что покупатель обеспокоился. „Философия го.....я!“ с досадою проворчал Иван Григорьевич, хлопнул по книге рукою, и облако пыли покрыло покупателя и продавца (И. К. Ш.).

Замечания Як. Ив. Киселева

на „Воспоминания И. К. Шамова — об Ив. Ив. Кольчугине“.

Воспоминания об И. И. Кольчугине И. К. Шамова, интересны, но, к сожалению в воспоминаниях отведено слишком много места относительно топографическому, подробное описание устройства и расположения шкафов и пр. мелочи. В воспоминаниях Шамова выразился его (Шамова) сосредоточенный характер.

И. К. Шамов, насколько я его знал с 1864 года, представлялся мне человеком угрюмым, в его характере было что-то Финское. Я никогда не видел его смеющимся или возбужденным. Это был совершенный антипод таким книжникам, как покойный Папанкин, который всегда был подвижной и жизнерадостный. Напротив, Ив. Козмич всегда был каким то застывшим.

И. И. Кольчугин, несомненно, наследовал от отца, остроту ума и склонность к шуткам и остротам. И. И. любил отпускать шутки и крылатые словечки, иногда окрашенные сарказмом, но все его шутки и слова были уместны и остроумны. Из приведенных Шамовым двух образцов: „Господь умудряет слепца“ (из Псалтыри) и „Все изменилось под нашим зодиаком“ (из эпиграммы Пушкина на брата его Льва), видно, что И. И. перечитал много книг разнообразного содержания и умело пользовался словами и изречениями. Знал ли И. И. французский язык — я сомневаюсь. Умственный склад И. И. отразился на его служащих. И. К. Шамов подражал своему патрону, Шамов, хотя и не так удачно, но любил вводить при первом подходящем случае остроумное словечко. У Кольчугина же много лет, до самого прекращения торговли, служил Иван (фамилии его не помню). Иван — уже пожилой человек был, и на этом простом неуклюжем человеке отразилось влияние И. И. Не отличаясь ни грамотностью, ни вообще умственным развитием, Иван всегда шутил и острил и довольно удачно.

Замечательная черта: я не видел И. И. когда-либо смеющимся, как бы ни была удачна и остроумна его шутка. Он всегда оставался в спокойном состоянии, только глаза принимали веселое выражение. Эта же черта была усвоена и его подражателями, И. К. Шамовым и Иваном. Есть наука, нарицаемая графологией, помогающая узнавать характер человека по его почерку. Если эта наука — точная, то благодаря ей можно бы было точно определить характер И. И. Писал И. И. из рук вон неразборчиво, спешил ли он, или вообще писал небрежно, только его записки (он всегда писал сам на клочках бумаги), какие книги нужны для магазина, и приносимые Иваном к Салаеву, выводили из хладнокровия Комарова и Боброва. Это, действительно, были какие-то клинообразные письмена! Не разобрав написанное, Комаров или Бобров обрушивались на Ивана: „Скажи ты Ивану Ивановичу, что мы не будем читать его записок: чорт их разберет. На, читай!“ Иван, обыкновенно, был невозмутим и, только ухмыляясь в бороду, отвечал: „Если уж вы не разберете, где же мне разобрать, а Ивану Ивановичу вы уж сами скажите!“...

И. И. по умственному развитию и начитанности несомненно занимал видное место в ряду современных ему книгопродавцев. Он был много образованнее и интеллигентнее всех торговцев в Никольской улице. Если Ив. Ив. собирал все, что относилось к культу Эроса, это не может служить ему укором. Напротив, он как коллекционер заслуживает только внимания. Будучи книжником, он остался им до конца своей

жизни, затрачивая деньги на пополнение коллекции. И. И., зато не приобрел ни дома, ни дачи, дело наживы и только наживы было не по его характеру.

Почему обстоятельства сложились так печально для Ивана Ивановича — знают немногие. Но известно всем, кто знал И. И., что он не эксплуатировал труда своих служащих, был человек гуманный и отзывчивый, сохранивший эти качества до конца жизни.

Знал я Ив. Ив. с 1864 г. Часто заходил в качестве сборщика в его магазин на Никольской. И. И. большей частью читал газету или книгу, полулежа на диване. Когда набиралась публика, он был на ногах. Он всегда что-нибудь скажет, или спросит в шутливом тоне. К нему свободно можно было обращаться с вопросами и за справками по книжному делу, он охотно делился своими знаниями.

Знал я Ив. Ив. и в последние годы его жизни, когда он служил уже в качестве приказчика у И. Д. Сытина. Неблагоприятные обстоятельства в жизни надломили его, но он был все тем же Иваном Ивановичем, любил поговорить, пошутить и припомнить что-нибудь из прошлого. В последние годы своей жизнии И. И. стал еще мягче и проще. Удары судьбы, видимо, повлияли на него в том направлении, которое определяется словами: „Познать тщету мира“. Он примирился со своим положением и не дал места в своем сердце злобе на людей и недовольству людьми!...

Я. И. Киселев.

24 августа 1908 г.
Москва.

Московские книгопродавцы Шàмовы.

1. *Иван Максимович* Шàмов, родом Вятич, происходил из города Орлова Вятской губ., сын купца. Человек был почтенный, зажиточный, очень добрый, но строгий, мужики просят пособить на что-нибудь, он их пожурит, попеняет, но денег даст.

2. Сына своего „Кузютку“ любил, в свое время отдал в ученье в лавку известного московского книжного деятеля Василия Васильевича Логинова (ум. 1847 г.).[1] Из школы же Логинова вышли и оба брата Ступины (Алексей, Дмитрий) и друг. У Логинова Козьма Иванович ездил по ярмаркам с книгами и особенно, когда Логинов стал издавать переводы романов Вальтер-Скотта с иллюстрациями. Романы эти были в моде и с легкой руки Логинова пошли в ход; конечно, рекламою устного характера не мало помогал и К. И. Шамов. Иван Козьмич рассказывал, как при отце его К. И—че, афени приходят в лавку к Логинову, забирать товар; ну, разумеется, хозяин раскошеливается, угощает афень, а они вдруг и скажут по просту без затей: „Ну, давай, Скотòв-те!“...

Разъезжал Козьма Иванович по ярмаркам с опасностью жизни, но оружия боялся, а оно было бы необходимо, так как нападали и грабили татары.

В домашней жизни Козьма Иванович был семьянин и по своему человек даже просвещенный, читал детям басни Крылова, Мертвые души Гоголя и проч., он имел свою Литографию, издавал лубочные картинки,

[1] Некролог В. В. Логинова см. ниже.

Конька-Горбунка, детские книжки, натуральную Естественную историю, таблицы для расчета процентов, Поваренную книгу под редакцией Авдеевой, Путешествие Араго (перев. с франц.), Массе: Историю кусочка хлеба и т. д.

Умер К. И. Шамов в 1867 г., похоронен на Ваганьковском кладбище.

3. Сын его Иван Козьмич Шамов родился 1 августа 1845 г., где учился книжному делу, осталось неизвестным, затем служил у Ив. Ив. Кольчугина, как он сам записал в своих „Воспоминаниях“ о последнем, а потом был, повидимому, не долго на службе у А. И. Глазунова и после трагической смерти последнего И. К. Шамов, отрозненный от книгопродавческой и книжнической семьи, перенес свою деятельность на конторскую службу в Страховом Обществе „Якорь“, где и прослужил без малого 26 лет, заслужив всеобщую любовь и почет („Якорь“ на Лубянке). Я зазнал Ивана Козьмича уже в последние годы его жизни; он казался мне очень нервной натурой, с наклонностью к шутке, любил рассказывать о былом, вообще же это была — натура развитая эстетически, недаром он любил наблюдать природу на воле, и очень любил певчих птичек. Этим пернатым певцам — пичужкам и посвятил он довольно изящно изданную книжечку с недурными раскрашенными картинками певчих птичек. Это его „Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках“. Из записок Моск. Охотника Соч. (инение) И. К. Шамова. С 11 раскрашенными рисунками певчих птиц и 18 политипажами. Москва,

Типогр. А. В. Кудрявцевой, 1876 (дозв. ценз. 13 сентября) 16^0 стр. 196 + II (огл.). Издание журнала „Природа и Охота“. И. К. Шамов сделался сотрудником этого охотничьего издания и оставался им до конца жизни.

Туркин начал печатать 3 книжку „Певчих птиц“, и не допечатано было лишь 2 листа (неизвестно, вышла ли эта книга). Вдова И. К. Шамова говорила мне, что в журнале Туркина был помещен некролог Шамова с портретом, но я ни в одном из изданий — о Шамовых не нашел ни строчки.

Ив. Козмич жил с женою на Нижней Прудовой улице на Пресненских прудах очень патриархальною жизнью в маленьком деревянном домике с низенькими потолками. Был милый незлобивый старик, очень приятный и милый, натура с искрою поэзии.

У Ивана Козьмича был брат Клавдий — довольно известный и значительный книгопродавец в Москве. Иван Козьмич тихо скончался 65 лет, 7 марта 1912 г. в 9 час. 15 мин. вечера, погребен на Ваганьковском же кладбище, 1 дорожка за поповым домом по левой стороне под елью.

Ивана Козьмича Шамова следовало бы считать сродни профессору Лесного Института Д. Н. Кайгородову.

Некролог В. В. Логинова (сконч. 1847).

Здесь получено известие, что в Москве умер скоропостижно (4 февраля) весьма замечательный

человек в русском *книгоделии*, Василий Васильевич *Логинов*, лет 50 от рождения.

Он имел в Москве свою типографию, книжную лавку, библиотеку для чтения, литографию и гравировальню. Более 500 человек русских мужичков разносили и развозили по всему русскому царству русские книги и картинки, принадлежащие Логинову. У него был в ведении особый класс писателей и граверов, работавших по его заказам. Например, „Иван Выжигин“ имел успех, и в Москве, тотчас появлялась книга: „Семейство Ивана Выжигина“. Повести Александра Марлинского приняты были хорошо публикою, и в Москве появились немедленно „Новые повести А. М.“. И все это укладывалось на возы или в коробки, и кружило по всей России, по усадьбам, по уездным и заштатным городам. Парижские карикатуры, портреты великих мужей, военные сцены и т. п., немедленно переделывались в гравировальном заведении Г. Логинова, раскрашивались и пускались в ход в новом виде.

Покойный Логинов был последним прибежищем для Петербургских и Московских книгопродавцев. Они обращались к нему, как мусульмане обращаются к имаму Мекки, только не за пастырским наставлением, а за ходячей монетой. Не пошла книга, марш в Москву, к В. В. Логинову, и он покупал книги, большей частью на вес, и рассылал по России с красноречивыми объявлениями, сочиняемыми его писателями. Не знаем, издал ли что покойный Логинов замечательное, как А. Ф. Смирдин, покойный И. В. Слёнин и

нынешний деятель в нашей литературе М. Д. Ольхин, но знаем, что огромная типография, литография и гравировальное заведение Г. Логинова были всегда завалены работой. Он доставлял умственную пищу читателям XV класса (как выразился некогда о последних А. Ф. Воейков).

Почти все простонародные сказки, сонники, песенники и т. п. выходили с фабрики Г. Логинова, доставлявшего работу и занятие более (стр. 142) тысячи человекам и сильно поддерживавшим бумажные фабрики. Миллионы рублей перекатились через руки покойного Логинова, в течение его деятельной жизни. Не наше дело знать, сколько из этого осталось, но из тысячи его изданий в литературе не останется ничего. Все же, покойный Логинов заслуживает благодарность за то, что, рассылая книги по России, многих научил читать и во многих возбудил охоту к чтению, а случается, что начинающий Бовою Королевичем, кончит Историей Карамзина. Только бы читали! (Северная Пчела, газета политическая и литературная, 1847 г., Суббота 15 февраля, № 36, фельетон „Журнальная всякая всячина“ на стр. 141—142, на 2 столбцах). Ф. Б.(улгарин).

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КНИГИ, КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА.

1. Очерк истории русской книги и книжного инвентаря в XI—XVI вв.

2. — Тоже XVII—XIX вв.

3. Книга, ее украшения и переплет в старое и новое время. Книжная русская терминология.

4. Первопечатник Иван Федорович и сын его Ив. Ив. и книжная деятельность Моск. Печатного Двора XVI—XVII вв.

5. Петр Великий — обновитель книгопечатной и издательской деятельности. Книжный инвентарь его эпохи.

6. Моск. Гражд. Типография и Киприяновы книгопродавцы и „библиотекари".

7. Спасский мост в Москве в XV—XVIII вв. Издатели лубочных картин и листовщики.

8. Книжная торговля и издательство в старом Санкт-Петербурге и деятельность книжной Палаты Академии Наук. Сухопутный шляхетный кадетский Корпус, книгоиздательская деятельность времен Анны и Елизаветы.

9. Н. И. Новиков, и его деятельность в деле устроения русской книжной торговли и книгоиздательства.

10. Моск. Университет, его книжная лавка и издательская деятельность в XVIII—XIX вв. А. С. Ширяев.

11. Издательство правительственных учреждений и книгопродавческая деятельность переплетчиков. XVIII—XIX вв.

12. Усиление типографического дела в XVIII—XIX ст. Селивановские: отец и сын. Помещичьи книгоиздательства и их вкусы в издательстве книг: Струпский, Платон Бекетов, Радищев, Всеволожский и друг.

13. Книжная торговля XVIII—XIX вв. на Никольской улице в Москве.

14. Простонародная литература (народа и для народа). Книжники-народники.

15. Торговля предметами старины и „древлего благочестия". Игнатий Ферапонтов, Большаковы и т. д.

16. Афени и торговля книгами на ярмарках.

17. Поддельная старина и торговля ею.

18. Торговля художественными произведениями XVIII—XIX вв.

19. Апраксин Двор в Петербурге и торговля книгами и антиками, до пожара 1862 г. и потом.

20. Книгопродавцы Ферапонтовы в Москве и Сиряков и Кораблев в Петербурге. Тузов.

21. Торговля иностранными книгами и французы типографщики и издатели в Москве. Готье. Семѐн и друг.

22. Книготорговая и книгоиздательская деятельность Исакова (СПб).

23. Глазуновы, Заикины, Свешниковы и друг. в Москве и Петербурге.

24. Сопиков, как книгопродавец-издатель и библиограф.

25. Московские книгопродавцы Кольчугины XVIII—XIX стол.

26. В. А. Плавильщиков.

27. А. Ф. Смирдин.

28. В. Е. Генкель как книгопродавец и теоретик книгопродавческого дела.

29. М. О. Вольф, типограф-издатель.
30. Маркс и его „Нива".
31. Братья Гоппе и друг.
32. Солдатенков, Павленков, бр. Собашниковы.
33. Н. Г. Мартынов, как издатель и теоретик книготоргового дела.
34. Музыкальное издательство XVIII—XIX стол.
35. Плюшары и их Энциклопедический лексикон.
36. Букинисты в Москве.
37. Букинисты в Петербурге.
38. Провинциальная книжная торговля.
39. И. Д. Сытин.
40. „Посредник" — издательская фирма.
41. М. П. Надеин. и Книжный магазин для иногородних
42. Суворин, как библиофил и книгоиздатель.
43. Перевозников, как книгоиздатель и теоретик книжного дела.
44. Общества книгопродавцев.
45. Книгопродавческие съезды.
46. Книжные Выставки и Аукционы.
47. Воспитание и рост книгопродавца. Заслуги, достоинства и недостатки наших книжников.
48. Издательская деятельность Риккера.
49. Издательская деятельность Академии Наук в XVIII—XIX ст. (в общем очерке).
50. Издатели книг конца XIX в. и четверти XX в.
51. Национализация русской книжной торговли, запасов книг, книжных складов и проч., и деятельность Государственного Издательства (Гос-Издат и Ленгиз).
52. Издательство русских классиков.
53. Ефрон и его Энциклопедич. Словарь.
54. Книжная Складчина и ее деятели (СПб).
55. Библиотеки и кабинеты для чтения, как особый род книжной торговли в XVIII—XIX стол.

56. Книгопродавческие Реестры книгам и Каталоги — как основа научной систематической русской библиографии.
57. Книжная Реклама XVIII—XIX стол.
58. Сортиментщики и Антиквары.
59. Книгопродавцы-комиссионеры.
60. Книжники-мостовщики и киосники.
61. Торговля учебниками и учебными пособиями.
62. Типографы-издатели и издания в кредит.
63. Книжные кооперативы. [1]

---

[1] В случае надобности темы выпусков — отдельных книжек будут сообщены в дополнительном списке.

1944

25

Цена 1 р. 75 к.

29

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Издательство Ленинградского Губпрофсовета.
Ленинград, пр. Володарского, 51.
Москва, М. Дмитровка, 6.

4p25

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034350611